

<https://vk.com/shugisterchan>

СОНЯ И ВЕДЬМА

Дажа Маратори.

16+

Даха Тараторина

Соня и ведьма

«Автор»

2019

Тараторина Д.

Соня и ведьма / Д. Тараторина — «Автор», 2019

Знаете этот хитрый голосок в голове? Именно он соблазняет сказать больно и отложить дела, обматерить начальника или съесть торт после десяти вечера. Обычно мы его игнорируем. Но у меня не получается. Потому что мой голосок реален. Я всего лишь пыталась остановить жертвоприношение, а вместо этого стала тюрьмой мёртвой ведьмы из другого мира. Не надо ни работы в конторе междумирья, ни коллег с супер-способностями. И уж точно не надо нового шефа, способного одним взглядом вырвать душу, и рыжего психа, объявившего себя моим парнем. Можно мне обратно мою жизнь? Ну пожалуйста!

© Тараторина Д., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	27
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Даха Тараторина

Соня и ведьма

Глава 1

Проклятый старый дом

– Мышь!

Я наугад нашупала край шарфа, небрежно свисающего со стола, накинула его на лицо и притворилась слепой, глухой и мёртвой.

– Мы-ы-ы-ышь! – настойчивый писклявый голосок не пожелал оставаться с той стороны зашарфья и продолжил ввинчиваться в уши.

– Её нет, – буркнула я, водворяя на место съехавшие за время сна очки.

Обладательница писклявого голоса стукнула носком своей, как водилось, невероятно дорогой туфельки по ножке стула:

– Мышь! Фотки мне нужны были ещё вчера!

Мысль, что тогда вчера и стоило об этом сказать, так и осталась не озвученной. Есть у меня ужасная черта: скромность. Не то врождённая, не то благоприобретённая вследствие невзрачной внешности, ещё более невзрачной работы и совсем уж паршивой привычки не встречать и не ссориться. Поэтому я лишь подняла голову и, как крот, прищурилась поверх очков на светлое пятно. Пятно нехотя выровняло очертания, всё больше начиная напоминать царицу всея редакции Анастасию. Когда она наклонилась, идеально выровненные утюжком, уложенные, залаченные и сдобренные сухим шампунем, как иной кекс сахарной пудрой, волосы и не подумали шелохнуться.

– Соня! Опять уснула? Георгий Витальевич вычтет из зарплаты! – куда громче, чем необходимо, с расчётом докричаться до вышеупомянутого злобного шефмонстра, возмутилась она. Явно намеренно повернулась в сторону его кабинета: – Мы тут все в поте лица трудимся, а ты прохлаждаешься! Ни стыда ни совести!

И правда нехорошо. Никто не заставлял ни верстать ночью воскресный номер журнала, ни править ошибки в сданных для него статьях. Повышенный градус ответственности – проблема сотрудника, а не его начальства. Даже если по документам этот сотрудник проходит исключительно как штатный фотограф. Точно, фотки!

– Давай, – я смущённо заправила за уши лезущие в глаза кудряшки. Рядом с отфотошопленной тонной тональника красоткой я и правда походила на мышь. На уставшую мышь Соню, пообедавшую вчерашним сэндвичем с засохшим сыром.

Настя, хрустя свежим сельдереем, метнулась к секретарскому столу и выудила из недр разномастных наждачек... эм... пилочек для ногтей флешку.

– Во! – она гордо ткнула её в разъём не той стороной. Перевернула. Снова потерпела фиаско и перевернула ещё раз.

Я вежливо отняла накопитель – тот сразу благодарно тыдынькнул и выплюнул на экран папку с неоновыми яркими фотографиями: Настя в купальнике, Настя в другом купальнике, Настя в том же бикини, но уже спиной, выпятив ягодички, Анастасия Валерьевна с бокалом вина, глубокомысленно взирающая на яхту, отгородившуюся от вездесущих туристов красной лентой.

– Ты же говорила, это по работе! – с изображения норовило выпасть пузо очередного «маски», проспонсировавшего запечатлённое на кадрах путешествие; лицо Анастасии, в чётко выверенных пропорциях выражавшее безграничную любовь к спутнику и столь же без-

граничную потребность в подарках, с трудом помещалось рядом с возлюбленным, зато неизменно поворачивалось к камере рабочей стороной.

– Конечно, по работе! – удивилась блондиночка не столько по цвету волос, сколько по образу жизни. – Мне их в инстаграм. Два дня как вернулась, а ещё не залила! Подписчики требуют, нет ты представляешь! С ума сходят, все двести человек! Ты, кстати, на меня не подписана? Нет? Как обрабатываешь, обязательно подпишись! Хотя нет, подпишись сейчас, а потом сразу за обработку! И целлюлит не забудь замазать! Ужас, как я на Бали растолстела!

Настя сокрушённо поджала густо обведённые карандашом губки и выставила вперёд тощее бёдрышко. Я с некоторой долей вины взглянула на собственные ноги: куда менее привлекательные, закованные в броню плотного денима. Это вам не Настина мини-юбка «из коллаборации», что бы это ни значило!

– Звонят, – я колупнула чайное пятно на коленке, но то и не подумало исчезать.

– Ой, да не смейся! Они никогда не звонят! Да и не очень-то хотелось. До следующего отпуска проще нового маську найти, чем этому угождать...

– Я говорю, по телефону звонят.

– Ну а как ещё? Не по голубиной же почте!

– По рабочему, – кивнула я на разрывающийся аппарат на заваленном блондинистыми прибрлудами столе.

Анастасия обезоруживающе улыбнулась, легонько, почти отрепетированно, стукнула себя ладошкой по лбу и неспешно, вправо-влево вихляя филейной частью на случай, если ещё не вся редакция успела её заценить, направилась к рабочему месту.

– Ал-л-ле! – неприязненно протянула она в трубку, прижимая ту плечом, усаживаясь на столе и закидывая одну ногу на другую, чтобы слегка продемонстрировать резинку чулка. Я застонала и поглубже спряталась в недра капюшона толстовки. – Да, редакция «Желтой пересмешницы». Да, интересуемся. Ага, пишем. Ну-у-у-у, я не знаю. Ну пришлите нам на мэйл. Нет, мы к вам сотрудника не отправим, сами разбирайтесь. А как вы себе это представляете? Серьёзно? И кто, по-вашему, полезет в аварийное здание в новых, – она с нежностью стряхнула с туфельки пылинку, – или в старых лодочках. Да, мы хотим сенсацию. Вот как принесёте, так и напечатаем! Вот, тем более, даже доказательств нету! Сделайте там фото на телефон или что...

– Чего там? – я вынырнула из капюшона. Аварийное здание – звучит не слишком безопасно, но всё интересней, чем выравнивать тон кожи на Настиных ляжках. Тем более, что за второе мне никто не заплатит ни спасибо, ни шоколадкой, ни хоть чем-нибудь, что мажется на хлеб.

Едва не свалившись со стола, секретарша дотянулась до главного рабочего инструмента – маникюрной пилочки – и пустила её в ход, не бросая трубку лишь потому, что оказалась в поле зрения шефа.

– Бабка какая-то, – отмахнулась она, ничуть не заботясь, что на том конце её прекрасно слышат, – говорит, на Сретенке сатанисты по ночам оргии устраивают.

– Звучит как отличная тема для первой полосы.

– Брось! Опять подростки с пивом посидели, а их уже проститутками и наркоманами окрестили.

С экрана компа фальшиво улыбались загорелые отдохнувшие люди; за окном неизбежно темнело и размазывало холодные мерзкие дождевые капли по стёклам. Выбор оказался очевиден.

– Я схожу.

– Делать тебе нечего. Выпей чаю. Через полчаса уже домой можно собираться, а так ты себе рабочий день до утра продлишь.

Я пожалала плечами: дома всё равно никто не ждал, а приключение всяко интереснее засмотренного до дыр и выученных монологов сериала.

– Ну иди, – дозволила Настя, флегматично перебивая уже истерически визжащую в телефоне старушечку: – Адрес точный давайте.

Стоптаные уличные кроссовки сменили не менее стоптанные офисные балетки, капюшон остался вместо зонтика, а куртка, больше похожая на плащ-палатку (иногда я жалела, что она ею не являлась), надёжно укрыла аппаратуру от сырости.

– А мои фотки как же? – запоздало сообразила Настя, но я уже спряталась от яхт, белозубых оскалов и приторно-сладких коктейлей из чужой жизни в утешающих объятиях промозглой осени, помахав на прощание консьержке Зинаиде в крохотное смотровое окошечко.

– Извините, – на ступенях пришлось расшаркаться с каким-то шустрым парнишкой, настолько вызывающе рыжими волосами, словно заимел их специально назло окружающей хмурости.

– Да было б за что! – усмехнулся он, демонстративно кланяясь и предлагая локоть, чтобы помочь спуститься.

– Акселерат какой-то, – не рискнув воспользоваться наигранной галантностью, я сильнее натянула капюшон и припустила вниз по улице.

Парнишка между тем уже потерял интерес к двери, в которую собирался вломиться, и недвусмысленно направился следом.

– Девушка, а девушка! – веди он себя чуть тише, я бы сразу записала подозрительно весёлого типа в маньяки. Справедливости ради, любому хоть сколько-то уважающему свой нелёгкий труд маньяку в такую погоду стоило бы сидеть дома и строить злобные планы. Этот же бойко скакал по лужам и лучезарно открыто улыбался. – Девушка! Ну куда же вы?! Можно я вас провожу? Девушка! Ну темно же!

Он шёл подозрительно быстро, не сокращая расстояние больше, чем на метр, но и увеличить его ни на шаг не позволял. Я молчала и всё более недовольно сопела: не маньяк; скорее, просто придурак. Или обознался: не пытается же он, в самом деле, познакомиться?

Как великую ценность прижимая к себе старенький фотоаппарат (потеряю – вычтут из зарплаты!), я приготовилась к низкому старту, с лихвой компенсируя врождённую ненависть к спорту приливом адреналина. Только бы не попытался схватить! Только бы не попытался!

– Девушка! Да я же вас не обижу!

Не обидит он, ага! А я сразу поверила, смутилась, и добровольно отдала тощий кошелёк. Однако маньяк решил, видимо, отложить начало преступной деятельности до встречи с более сговорчивой и симпатичной жертвой и отстал, так и не сумев завести диалог.

Сретенка, хоть и считалась районом отдалённым, находилась в каких-то двадцати минутах быстрой («маньяк» мотивировал) ходьбы от редакции «Пересмешницы». Собственно, в нашем крохотном городишке любой самый неблагополучный район находился в двадцати минутах от благополучного. Что пешком, что на танке, как говорится. Автобуса я всё равно прождала бы не меньше, поэтому на своих двоих преодолела и набухающий лужами асфальт, и грязную обочину, плавно, но неизбежно превращающуюся в ежеосеннюю помойку. Голодные коты укоризненно смотрели из-под низеньких балконов, и я не удержалась, зашла в магазин за пачкой сосисок, которые брезгливые хвостатые проигнорировали, зато наградили меня парой неглубоких, но жутко чешущихся бескровных царапин.

– И не стыдно вам? – я укоризненно пнула отвергнутую сосиску обратно к диким кошачьим.

– Мау! – басом ответил самый крупный, видимо, намекая на не слишком натуральный состав угощения и взывающий к здравому смыслу: сама бы такое есть стала? Я бы, кстати, стала. То есть, не теперь, конечно. Но вообще я себе такие же сосиски домой брала. Поэтому оставшуюся половину пачки я мстительно сунула в карман, выуживая по одной, чтобы не сму-

щать редких прохожих, наслаждаясь густым копчёным, хоть и не слишком реалистичным запахом, и оно доказывая. Нормальные сосиски!

Обозначенное аварийное здание на опасное не походило совершенно. Скорее на уютное и немного не от мира сего: не из нашей реальности был дворик, в котором для полноты картины не хватало пары тыков с вырезанными страшными рожицами; не вписывалось крылечко с уличными заманчиво покачивающимися качелями (их цепи не то заботливо придерживали, не то насильственно обездвигивали мокрые досточки); не вписывались чумазные колонны, распиленные неизвестным, но очень старательным художником; да и сам домик, что уж, как бельмо на глазу выделялся среди одинаковых многоэтажек. Почему оба этажа деревянного, но весьма добротного здания считались аварийными, я не слишком понимала. Видимо, дом остался со времён, когда Сретенка числилась едва ли не загородом и вызвать сюда такси было так же нереально, как попросить забрать себя с середины Чёрного моря, ориентируя на «вон ту скалу» и «вот этот клуб водорослей». Когда же район начали застраивать, каждый клочок земли оказался куда более ценен. Выкупили бы, наверное, у прежних владельцев быстро, невзирая на явную историческую ценность и нестандартную архитектуру, но, если таковых у сооружения не числилось, требовалось снести домик иным относительно законным образом. Например, можно сказать, что он стал притоном для сатанистов, бомжей, наркоманов – нужное подчеркнуть.

Преисполнившись праведного гнева и решив во что бы то ни стало защитить волшебный дом, я уверенно прошлёпала к дверям. Куда менее решительно стукнула. Кому повредит немного вежливости? Ну... И страшновато ещё, что уж. Сплетница из телефона вполне могла просто подшутить над соседкой и отправить к ней орду страждущих сенсации журналистов. Я вот, как на пенсию выйду, однозначно начну так делать. А ещё профессионально ругать молодёжь и современную музыку. Последнее уже получалось весьма и весьма недурственно. На стук никто не ответил.

Опавшие сырые листья скользили под ногами, передавали эстафету скрипучим ступеням. В завершение качели колыхнулись сами собой, явно наскрипывая проржавевшими звеньями некое проклятие. В лучших традициях фильмов ужасов, в которых умным девочкам ни в коем случае не стоило лезть в заброшенные дома. Но это умные девочки, а я, хоть и жалась трусливо под одеялом от каждого шороха в собственной квартире, всё равно не упускала возможности спуститься в подвал под тревожную музыку и поинтересоваться у непроглядной ночи: «здесь кто-нибудь есть?».

– Здесь кто-нибудь есть? – не преминула пошутить я. Тишина. Я почти набралась духу толкнуть дверь, как вдруг... Ну конечно! Она распахнулась без посторонней помощи! Да что же это за ужастик?!

Ветер. Наверное. По крайней мере, умная девочка из фильма ужаса успокоила бы себя именно так.

Я вооружилась объективом, который при должной сноровке мог послужить не только информационным рычагом, но и весьма увесистым орудием самозащиты. Памятуя о стоимости аппарата, к альтернативному его использованию прибегать не хотелось.

Дом пустовал, но сыростью не пах. Померещившийся запах корицы я списала на ранние признаки шизофрении и собственную пугливость, поэтому, стараясь доказать, что ни капельки не боюсь (бессовестное враньё!), обошла возмутительно чистый первый этаж, заглядывая под невесть почему до сих пор не растащенные столики и кресла. Повёрнутый спинкой диван поманил бархатистым боком: придвинутый к камину, он словно нарочно стоял так, чтобы вызывать желание устроиться калачиком с книгой и больше никогда не высовывать нос на улицу. Я дала слабину: присела на мягкий подлокотник всего на минуточку...

И едва не завизжала, сдержавшись лишь потому, что в горле пересохло.

Показалось. На диване не спал человек – на нём вповалку были нагружены разномастные куртки и пальто. А в камине ехидно перемигивались дотлевающие угольки.

Сатанисты или нет, но кто-то этот дом посещал. Нет – я осторожно подняла свисающий до самого пола рукав колючего пальто – кто-то находился в здании прямо сейчас.

Словно в ответ на малодушное желание задать стрекоча, снизу донеслась музыка. Весьма узнаваемая, надо признать, музыка, и более, чем необходимо, подходящая к образу проклятого старого дома, куда меня угораздило сунуться. Но эту группу я любила и не верила, что распрощаюсь с жизнью под старую недобрую мелодию.

Вооружившись вторым по значимости журналистским инструментом (первый – наглость), я двинулась на звук, приглядываясь к происходящему сквозь объектив.

Наркоманы-проститутки-сатанисты-или-кто-они-там обосновались в подвале. Где же ещё, в самом деле?! Обосновались хорошо, позаботившись о необходимых нюансах: жуткий алтарь накрыли мягоньким пледом в звёздочку, на столике рядом с подозрительными колбочками, баночками и камешками закипал электрический чайник, а пучки сушёных трав, частью уже накрошенные в стеклянный заварник, соседствовали с последним надкушенным бутербродом с колбасой.

– Серьёзно?! – высокая фигура в чёрном, как полагается, скрывающем лицо балахоне постучала кулаком по лбу.

– А что? – удивилась другая фигура, низкорослая, плечом пиная третьего участника действия, больше похожего на шкаф под простынёй. – Ты же сам сказал, подобрать что-нибудь атмосферное!

– Органную музыку. Шопена. Бетховена. Что-нибудь из классики! – устало уточнил первый.

Фигура пониже возмущённо отшатнулась, выживая из кармана мобильник и демонстративно делая погромче (весьма на руку мне: можно подобраться поближе и снять ещё пару кадров):

– Это не классика?! Это вот эти ребята не классика?! Да он! Да ты сам! Да он живее всех живых, а ты не смыслишь ничего в русском роке!

– Я вообще ничего не смыслю в музыке, – легко согласился долговязый, отнимая аппарат и вспарывая его пластиковое брюхо в поисках батареек. – А ты – в нашей работе. Тебе напомнить про пикси? Ещё одна такая выходка...

– Мальчики, уймись! – внезапно подала голос жертва с алтаря, наивно принятая мной за манекен: уж очень бледная, идеально стройная и гладкая женщина совершенно обнажённой возлежала поверх пледа в милую звёздочку. Она томно завела одну руку за голову, качнув округлым бюстом, и продолжила: – Я отсюда чувствую, как вы нервничаете. Давайте уже к делу. Можно и без музыки.

Жажда сделать максимум скандальных фотографий столкнулась с жаждой спасти не иначе как опоённую наркотиком красотку и разбилась вдребезги. Женщина не была привязана и вообще выглядела самой спокойной среди извращенцев, но наверняка исключительно от шока. Бедняжка явно не понимала, во что влипла, или оцепенела от ужаса. Я сжала вспотевшей ладошкой забывременно выключенный телефон. Вызвать помощь я вполне могу; прямо отсюда или выбежав на улицу. Но успеет ли полиция остановить жертвоприношение? Да и поверят ли вообще? Поторопятся ли? Я тыкнула в кнопку трясущимся пальцем.

Умная девочка всё-таки проверила бы степень ответственности стражей правопорядка, а сама сбежала. Но то умная, а не я.

– Именем союза Великой Матери и Рогатого Бога, – начал долговязый голосом, в котором не осталось ни намёка на былую усталость и меланхоличность. Точно сатанисты! Или у кого там ещё в язычестве рога были? Кажется... Эм... Да у многих, собственно, – По доброй ли воле ты пришла к нам, женщина, возжелавшая стать сосудом?

– Да! – твёрдо ответила она, вновь устраиваясь на лежаке.

– Да-а-а-а, – скептически прошептала я, маскируя курткой засветившийся телефон, – конечно.

– Осознаёшь ли ты тяжесть бремени?

– Осознаю.

– Конечно, – фыркнула я, нервно притопывая в ожидании экрана загрузки. – Осознаёт она, блин...

– Не отринешь ли ношу спустя годы, века, столетия?

– Не отрину!

Я шёпотом передразнила сумасшедшую, скорчив рожицу:

– Не отрину, бе-бе-бе! – нет, эта тормознутая штукавина никогда не подключится!

Высокий в медлительной торжественности наклонился за резным ларцом, откинул крышку и с невероятной осторожностью поднял над головой слабо мерцающий рубиново-алым камень:

– Прими же свой дар и своё проклятье!

Я судорожно застучала пальцами по экрану, уже не надеясь остаться незамеченной. Камень, наливался цветом и выпускал маленькие лапки, чтобы поскорее прикоснуться ко лбу жертвы.

Взгляд на телефон.

Взгляд на обнажённую женщину.

Аппарат, невероятно медленно набирающий вызов.

Несчастливая, незащищённая, не понимающая, что происходит...

Проклятье!

Я использовала телефон по единственно верному назначению: запустила им в затылок одному из жрецов или кем они там себя считали.

– Поднимите руки и сделайте шаг назад! Вы окружены! – я угрожающе наставила на опешивших людей камеру, не забывая жать на кнопку.

Не дожидаясь, пока язычники сообразят, что никто на них не нападет, метнулась к алтарю, схватила женщину за бледное плечо, рванула, заставляя свесить ноги:

– Скорее! Бежим!

– Какого чёрта?! – женщина стряхнула мою ладонь. – Кто эта ненормальная?!

– Это вы все ненормальные! Поднимайся давай!

Высокий приблизился к нам, успокаивающе понижая голос:

– Минуточку! Это всё большое недоразумение.

– Всех перебью! – предупредила я, и, в подтверждение слов, отгородилась от врага камерой.

– Да ты уже, – буркнул пострадавший от метательного снаряда, благоразумно не приближаясь.

– Да чего вы сюсюкаетесь?! – пробасил третий, засучив рукава, обнажая огромные волосатые руки и пытаясь ухватить и меня и несчастную голую девицу.

Я взвизгнула, вскочила на алтарь, прикрывая спасаемую, и раскрутила камеру на ремне, как пращу:

– Помогите!!! – вопреки происходящему завопила я. – Убива-а-а-ают!

И всё бы хорошо: нападавшие шустренько перекавалифицировались в отступающих, сюсюкая что-то про взаимное непонимание, но жертва, не иначе как начитавшись модных ныне романов, вспомнила про стокгольмский синдром, ухватила меня за икры и дёрнула.

Дорогушая техника выскользнула из пальцев, опора убежала из-под кроссовок, пол с ускорением девять целых и восемь десятых метров в секунду за секунду принялся приближаться к очкам, я схватилась за первое, что встретилось на пути и рухнула в объятия долговя-

зого типа, всё ещё сжимавшего красную стекляшку и попытавшегося, вопреки законам нравственности, спасти её, а не меня.

Хрусь!

Взорвалось.

Бухнуло.

Ухнуло.

Засветилось и тут же погасло.

Обожгло грудь и отбросило в противоположную стену.

Что?

Да что б я знала!

Я испуганно отряхнулась от показавшихся раскалёнными осколков, но те осыпались невесомыми стружками. И, кажется, произошло что-то совсем-совсем нехорошее, потому что до этого момента ведущий себя мирно главный жрец взвыл и обвиняюще выставил в мою сторону длинный палец:

– Камень! Камень активирован! Хватайте эту ненормальную!

Все прочие детали моментально померкли перед наиболее важной частью происходящего: меня и правда собирались схватить. Мощный и низенький мужички, неуклюже прикрываясь капюшонами принялись заходить справа и слева; свежеспасённая любительница ню визжала, как голодная чайка, словно у неё отобрали последнее пирожное в коробке, и отмахивалась от долговязого, пытающегося галантно укутать её в плед.

– Вы не имеете права! Это противозаконно! Я... Я... Я про вас всё расскажу! – за неимением фотоаппарата (он же орудие самозащиты), разлетевшегося не то от столкновения с широченной грудью дуболома, не то от падения на пол, я старательно завопила.

И нечто внутри всколыхнулось, расправляя давно затекшие крылья. Встрепенулось, подняло голову, которую его заставили склонить, и зловеще улыбнулось.

Пальцы прорезали пустоту, создавая невидимый, неведомый рисунок, едва заметный в сгустившемся воздухе, и чужой низкий голос спокойно произнёс моими губами:

– «*Fumus!*»

Символ в воздухе проявился, налился чёрным, готовясь лопнуть, как гнойный нарыв, увеличился, краями пытаясь дотянуться до замерших вокруг людей... и истаял, расплескавшись в дымные кольца, заставляя закашляться и слепо заозираться горе-жрецов.

Горло перехватило, а ноги не желали помогать телу подняться над землёй. Я поползла, пачкая и без того убитые штаны, перебирая руками по ступеням, молясь лишь о том, чтобы, как полагается в финале подобной истории, никто не схватил меня за лодыжку и не втянул обратно в ад.

Но рука появилась с противоположной стороны. Вполне доброжелательная рука, не сложенная в кулак, а выжидательно зависшая прямо перед носом.

– Говорил же, давай провожу! – съехидничал её обладатель.

Я обернулась на мужчин, сталкивающихся друг с другом и ощупывающих помещение в поисках выхода и, вероятно, виновницы происходящего. Снизу-вверх уставилась на улыбочивого возмутительно рыжего парня, выделяющегося среди алтарей, балахонов и дыма, как солнце среди затянутого тучами неба, и успела схватиться за него за мгновение до того, как перестала что-либо соображать.

Глава 2

Перемен!

Сон был каким-то липким.

Тёмным, затягивающим, копошащимся под волосами мохнатыми паучьими лапками. Он невзначай опутывал меня, отвлекал тихим шёпотом, забалтывал неясным шелестом, но неизменно тянул глубже и глубже.

В нём поселилось что-то новое, страшное, по-хозяйски распихивающее светлые воспоминания по пыльным уголкам головы, готовящееся обосноваться надолго, не спрашивая мнения хозяйки сна.

Я с трудом разлепила веки, не понимая, сумела ли прорваться в реальность. Темнота не желала отступить, дрожала, но всё-таки сузилась, съёжилась и, наконец, прыснула в стороны, испугавшись ярко-рыжей головы.

– Чё как? – поинтересовался мой спаситель, выжидательно заглядывая куда-то намного дальше, чем просто в глаза.

Машинально пошарив рукой по месту, где всегда стояла прикроватная тумбочка, я не обнаружила ни её, ни очков.

– На, – рыжий мужчина с хитрым лисьим прищуром нехотя протянул потерю. – А без них ты красивее.

Я поспешила отгородиться от типа увеличительной конструкцией и невзначай, стараясь не нервировать его, огляделась. Квартира чужая. Но вполне светлая, ухоженная и, главное, с приоткрытым окном, от которого, к сожалению, меня отделял несостоявшийся (пока) маньяк, а то сиганула бы, не задумываясь. Утреннее солнце кокетливо пряталось за тучку, тоже, видимо, не желая просыпаться. Утреннее! Работа! Я подскочила, но тут же рухнула обратно, запутавшись в собственных ногах и ощущениях.

– Что... – я закашлялась, приняла услужливо поданный стакан воды, но пить не стала. – Что случилось?

Спаситель-нападающий легкомысленно плюхнулся рядом на кушетку, на которой изволила почивать прямо в одежде (ура!) и грязных кроссовках я.

– Я Дэн.

– Я не об этом спрашивала.

Он завёл руки за затылок и с любопытством принялся рассматривать безвкусную аппликацию на потолке, будто только её заметил:

– Ага. Но всё равно правильнее сначала познакомиться, да?

Я кивнула чуть раньше, чем сообразила, что меня уведут от темы.

– Так что случилось?

– С какого момента? – скептически уточнил Дэн, переворачиваясь на бок. Кушетка качнулась – я кубарем свалилась вниз, а знакомец свесил голову, чтобы говорилось удобнее.

– С самого начала, – твёрдо решила я найти засевшую в мозгу занозу.

– Сначала было Слово... – пробасил рыжий, вертикально приподнимая ноги, чтобы полюбоваться на свежевychищенные берцы. Я кинула смущённый взгляд на собственную изварзанную и стоптанную обувь.

– Не нервируй меня своими ходулями! – злобно прошипела я и сразу прикусила язык. Ругаться я не умела и не любила, так что ж в этот раз прорвало? Переволновалась, не иначе.

Дэн, тем не менее, мигом принял серьёзный вид и уселся, как примерный ученик, сложив ручки на коленях:

– Виноват. Исправлюсь. Ты пробралась в заброшенный дом, там на тебя, вероятно, напали, а я просто случайно проходил мимо и решил помочь, когда девушка в беде отключилась.

Хм... Звучит весьма правдоподобно. Да и до сих пор он на меня не напал. Я скептически дрыгнула бровью:

– Так уж и случайно?

– Если сознаюсь, что следил за тобой, ты не поймёшь и испугаешься, а тогда выйдет, что я зря кофе варил. Ну... Эм... Растворил.

– Ты сварил мне кофе? – подбородок задрожал от умиления, но я быстро исправилась: – То есть, ты следил за мной?

Наглец с готовностью подтвердил, продолжая широко обезоруживающе улыбаться, и легко отвлёкся на выдвижной ящик под лежаком, забитый тряпками.

– О, глянь, какое сокровище! – он выудил безразмерную футболку с черепом, зажавшим в зубах кривую самокрутку. – Мне пойдёт?

– Не знаю... То есть... Тьфу! Ты следил за мной? Зачем?

Похититель медленно, не растёгивая, стащил через голову потрёпанную толстовку, чуть дольше нужного демонстрируя тощий, но весьма рельефный живот, и зловеще проскрежетал, подаваясь вперёд:

– А зачем взрослые половозрелые мужчины следят за симпатичными девчонками?

Я приготовилась защищаться самым страшным оружием всех женщин – визжать и царапаться, но Дэн, ехидно захохотав, подцепил и натянул найденную футболку, снова возвращаясь в позу примерного мальчика.

– Что ж ты такая пугливая?

– Я предусмотрительная.

– Предусмотрительные девочки ночами по злачным местам не бродят.

И не поспоришь же...

Решив, что опасность миновала, я толком осмотрелась. Квартира на удивление безвкусная, но дорогая. Владелец не поскупился ни позолотить дверные ручки (интересно, как выглядит туалет?), ни наклеить блестящие обои, имитирующие лепнину, ни постелить ворсистое ковровое покрытие, на котором сейчас укоризненно темнели следы грязных ботинок. Не моих – я-то пешком тут не шла, а вездеходы Дэна идеально чистые. Отгадка валялась в ближайшем углу: потёртая кожаная куртка свернулась угловатым кулком, а сверху, как флаг сданного города, стояли некогда белые, а ныне безнадежно испорченные кроссовки. Рыжего запачканное недоразумение ничуть не расстраивало: он уже увлечённо рылся в шкафу, кидая на пол строгие пальто и подбитые мехом куртки, пока не выудил устроившую его косяку:

– Хорош? Себе что-нибудь присмотришь?

Я прикусила нижнюю губу, постеснявшись отвечать на первый вопрос (а то сам не знаешь!).

– Неудобно. У меня есть, во что переодеться. Почему ты не отправил меня домой?

– Не припомню, чтобы ты делилась адресом.

– Как будто для маньяков это проблема! В больницу?

– Скучно.

– В морг?!

– Предсказуемо.

– Ты мне не нравишься, – сообщила я, не в силах больше терпеть подколок.

– А ты мне – вполне, – обратился Дэн не то ко мне, не то к отражению своих ягодичек, обтянутых бессовестно узкими для мужчины джинсами. – А теперь валим отсюда.

Я, вообще-то, была только за, но вежливо поинтересовалась причиной подобной спешки:

– А, это квартира не моя, – равнодушно пожал плечами принарядившийся Дэн.

– А чья же?

Рыжий подпрыгнул, сталкивая с верхней полки шкафа несколько шляп. Примерил одну, вторую... Остался недоволен и просто затыкнул демонстративно длинные волосы в низкий хвост.

– Понятия не имею!

Миновав наверняка специально созданный для селфи лифт и любопытную бабку, брезгливо фыркнувшую, но удержавшуюся от комментариев в адрес безнравственной молодёжи, мы выскочили на стоянку. Дэн, как так и надо, пибикнул сигналкой, с удовлетворением отмечая, что неизвестный владелец апартаментов питал слабость абсолютно ко всем проявлениям достатка, и открыл передо мной дверь Порше.

– И она, конечно, тоже не твоя, – я сделала шаг назад, показывая, что не имею ни малейшего желания ввязываться в преступление, даже если я его соучастник, а не жертва.

– Разумеется!

– Нет, спасибо, я пешком.

– Соня!

– Не помню, чтобы я представлялась.

– Представлялась.

– Нет.

– Нет, ты представлялась, – с нажимом повторил Дэн. – И ты очень хочешь сесть в эту машину, потому что иначе безбожно опоздаешь на работу.

Проклятье! А ведь и правда опоздаю! Я сунулась за мобильником – проверить время, но тот бесследно канул в Лету вместе с фотоаппаратом. О-о-о... Мне ведь ещё за редакторскую технику рассчитывать... Не явиться к начальству после такого проступка смерти подобно.

Я совершенно неожиданно оказалась в салоне, воняющем кожей так сильно, словно её обладателя освежали не далее как полчаса назад.

– Удивительно безвкусная тачка, да? – словно прочитал мои мысли Дэн. – Но быстрая-а-а-а!

– Странный ты какой-то маньяк, – пробормотала я, когда он, вопреки опасениям, высадил меня аккурат возле редакции.

Слух у рыжего оказался весьма недурственным, и он высунулся из окошка, чтобы показать мелкие ровные зубы:

– Я просто энтузиаст своего дела!

– Все энтузиасты немного двинутые, – подтвердила я, вспоминая активистские студенческие годы. В профкоме я тогда так и не прижилась, ввиду отсутствия пробивного характера или его альтернативы – яркой внешности, зато секретарём проработала целый год, поэтому знала, о чём говорю.

– Ну, значит мы нашли друг друга, – послал он воздушный поцелуй и добавил тоном, не терпящим возражений: – Заберу тебя сегодня вечером.

– Ненормальный, – одними губами прошептала я.

– Что-что?

Повторила громче:

– Ненормальный.

– Не слы-ы-ы-ышу! – Дэн оттопырил ухо, как столетний дед.

– Ненормальный! – закричала я на всю улицу и... засмеялась.

– Ась? Не разберу!

– Хорошо, хорошо! – проще согласиться. Псих! – Здравствуйте, Зинаида!

Консьержка понятиливо подмигнула и показала мне большой палец.

Я прошла по длинному коридору и потянула серую неприметную дверь, по совершенно непонятной причине счастливо улыбаясь. Но улыбка померкла в то же мгновение, как Анаста-

сия выскочила навстречу, схватила меня за грудки и, тыча пальцем в окно в сторону удаляющейся машины, округлила подведённые глаза:

– Мышь! – поспешила нарушить молчание она.

– Уже так поздно? – я привстала на цыпочки, выискивая за Настинной спиной огромные настенные часы с раздражающе шумной секундной стрелкой.

– Соня! – повторила блондинка, ошарашенно таращась на колею, оставленную спорткаром в грязи.

Я с некоторой опаской протиснулась к столам.

– Что?

– Соня, кто это?!

– Это... – я задумалась. Друг? Знакомый? Странный парень, оказавшийся рядом в странный вечер? – Это Дэн, – лаконично сообщила я.

– Дэн? Дэн?! – взвизгнула Настя, судорожно нащупывая пудреницу. – Просто «Дэны» не ездят на Порше! – она догнала, впила ногтями в плечо, попыталась встряхнуть, но вместо этого затряслась сама: от предвкушения охоты и возбуждения. – Кто он? Где познакомились? У него кто-то есть? Где работает? Каких женщин предпочитает?

– Я... Я... – боже, да я понятия не имею! Визг на грани ультразвука мешал соображать, огромные часы мерно тикали, раз за разом ударяя по барабанной перепонке грёбаной секундной стрелкой. А секретарше и в голову не приходило, что красавчик мог подвести меня, замарашку и мышку, не только в качестве поддержки сирых и убогих.

– Тик-так! Тик-так! Тик-так!!! – настукивали часы в самые уши.

Я как можно быстрее пересекла комнату и потянулась вынуть из них батарейку. Высоко. Не достать. Тикалка раздражала всех сотрудников, неизменно напоминая о бесконечности трудового дня, но все терпели неизбежное зло. Почему до сих пор никто не выбросил их на помойку?!

– Тик-так! Тик-так!

– Соня!

– Тик-так!

– Когда ты нас познакомишь? Сегодня я не могу: мэйк неподходящий. А завтра...

– Тик-так!

– Настя, заткнись!

Настя замолчала на вдохе, впервые столкнувшись с тем, что на неё, умницу и красавицу, кто-то посмел гаркнуть.

– А что та... – попыталась начать она, но я резко хлопнула ладонями перед её лицом, переключая внимание.

– Я...

Хлопок!

– Да я же...

Хлопок!

– Ничего такого...

– Тс-с-с-с-с! – я приложила палец к её губам, проникновенно заглянула в глаза дамочке и с наслаждением совершенно чужим голосом протянула: – Слышишь? Это тишина. Я хочу, чтобы она звучала каждый раз, когда ты находишься рядом. Поняла?

– Д-да...

Хлопок!

Догадливая блондиночка кивнула молча. А я, небрежно оттолкнув Настю так, что она закачалась на высоченных шпильках, прошла вперёд.

И что это только что произошло?

День тянулся бесконечно, фотографии на экране расплывались перед взором, превращаясь в бессмысленные яркие пятна, системник гудел невыносимо громко, клавиатура убегала из-под пальцев. Пальцы... Они казались слишком длинными, совершенно чужими, а кожа слишком бледной. Как будто меня вдруг сунули в новое тело. Я зажмурилась, пытаюсь понять, где нахожусь. Недосып. Конечно, это недосып, только и всего.

Кофе! Боже! Почему я никогда не любила кофе? Растворимый, воняющий кислотой, самый дешёвый, потому что покупка дорогого на весь офис всё равно не имела смысла. Я добавила ещё пару порций напитка: чтоб ложка стояла! С наслаждением сделала глоток, не обращая внимание на обжигающий горло жар, строго зыркнула на Настю, сразу же с предельным вниманием принявшуюся изучать степлер.

Да что же это такое? Что случилось? Я так не поступаю! Не грублю людям, не повышаю голос, не отпихиваю никого с дороги, не пью обжигающий горький кофе. Это не я!

– *«Значит, это я».*

Пальцы разжались сами собой. Очаровательная жёлтая кружка с рельефным косоглазым зайцем сбоку медленно-медленно, кружась, полетела на пол, заливая коричневой жижой старенькие джинсы, испачканные кроссовки и блестящие кожаные оксфорды шефа.

– *«Неряха»*, – презрительно выплюнул внутренний голос.

– Шкуркова! – тоненько завизжал Георгий Витальевич, размахивая короткими толстыми ручками. – Ты что творишь?! Мало тебе вчерашнего штрафа, так ты снова нарываешься?

Я испуганно принялась собирать осколки кружки: ну как ещё поранится кто? Расколотый надвое заяц наблюдал за унижительным действием. Правый глаз смотрел соблезнующе, левый – презрительно.

– Простите. Я... Я себя не очень чувствую...

– По клубам шастать меньше надо! – толстяк брезгливо стряхнул с обуви капли кофе, ничуть не заботясь, что они могут попасть мне на лицо, выудил белоснежный платок и протёр им носки ботинок.

– Я не по клубам... Позавчера вёрстка, а там ошибки в статье...

– Меня совершенно не волнует, чем ты занимаешься в свободное время! Но в рабочее ты не имеешь права игнорировать задания! Где воскресный номер?

Витальевич швырнул мне под нос замызганный платок, недвусмысленно намекая, что стирать его придётся виновнице инцидента. Тёмные горячие капли стекали по осколкам кружки в моей пригоршне, медленно, тягуче капая на ладонь, напоминая что-то, что мне полагалось забыть... или вспомнить? В голове стучало, гудело, разрывая её надвое.

– Тик-так! – напомнили о себе часы, словно я должна была срочно что-то сделать, откуда-то вынырнуть, проснуться...

– У вас... на почте, – протянула я, отмахиваясь от заползающего в зрачки тумана.

– Я не обязан проверять почту каждые пять минут! Ты не могла позвонить и сказать, что отправила?

– Я звонила. Трубку... Вы не отвечали, – язык едва ворочался, как чужой.

– Тик-так!

– Соня! – Настя выбрала неудачный момент, чтобы подать голос. Соня... Это же я. Кажется. Почему же имя так раздражает, словно мне пытаются навязать чужую жизнь? Секретарша не умолкала: – Тебя спрашивают! Соня! Телефон!

– И где камера? – не отставал шеф, жужжа над ухом приставучим шершнем. – Мне доложили, что ты брала. Где камера? Где фото? Почему статьи до сих пор нет?

– *«Тряпка»*, – рыкнул внутренний голос, а я как будто проснулась.

Что я вообще здесь делаю? Это место мне не нравится, оно мне совершенно не знакомо, эти люди неприятны, они шумят, визжат и жужжат.

– Тик-так! Тик-так!

Заткнитесь!

Осколки кружки полетели на пол, я зажала уши, а часы лопнули ровно посередине, звонко разбрасывая по офису ошметки пружин и винтиков.

Руки сработали быстрее рассудка: одна схватила шефа за загривок, а вторая впечталась чуть ниже его груди. Я не умела драться. Совершенно точно не умела. Но чёткий уверенный удар выбил из лёгких толстяка весь воздух. Георгий Витальевич склонился в поясном поклоне, шумно, со скрипом пытаюсь вдохнуть. Я добавила коленом снизу-вверх, наслаждаясь стуком нижней челюсти об верхнюю.

– Кажется, я увольняюсь, – был ли этот голос чужим? Или теперь это мой голос?

Секретарша изо всех сил пыталась не завизжать и лишь молча тыкала в телефон. Готова поклясться, что Настя испуганно отпрянула, когда я отняла у неё трубку.

– Что?!

Звонивший весело засмеялся в ответ:

– Хей, подруга, я смотрю тебя здорово накрыло?

– Дэн? – сердце радостно подпрыгнуло и ухнуло вниз, как если бы я очень давно знала этого странного рыжего.

– Пляши: мне как раз стало скучно, так что я вернулся за тобой пораньше. Выглянешь в окошечко?

Я сместилась ближе к окну, не выпуская рабочую трубку из рук.

Под мелким противным дождиком, улыбаясь во все тридцать два, стоял возмутительно рыжий Дэн.

– И что ты предлагаешь? – холодно поинтересовалась я.

Он небрежно похлопал по сиденью мотоцикла, на который опирался, и приподнял запасной шлем. Ясно, что он предлагал: самую большую глупость в моей жизни.

Я отпустила трубку, позволив ей упасть на пол, и вышла из ненавистного офиса.

«Кажется, всё не так уж плохо», – хмыкнул внутренний голос, ни капельки не похожий на мой собственный.

Глава 3

Узнай меня

Ужас накрыл уже после. Когда мотоцикл нёсся на бешеной скорости, маневрируя между тяжеловесными авто, визгливо тормозя на мокром асфальте, когда я вцепилась в задеревеневшую от ветра косуху Дэна, когда руки соскальзывали с его пояса на поворотах...

Вот тогда стало по-настоящему страшно.

Как меня вообще угораздило сесть на этот драндулет?!

– Останови-останови-останови! – слёзы наворачивались не то от скорости, не то от паники.

– Эй! Тихо, тихо!

Рыжий затормозил почти сразу, проигнорировав и двойную сплошную, и запрет на поворот. Обнял мои вздёргнутые кверху плечи, прижал к себе, успокаивая.

– Сп... Спасибо, – с трудом выдавила я, пытаюсь подняться.

– Стой! Куда?! Тебя же качает! – Дэн силой усадил меня обратно, помог снять шлем и убрал от лица мешающие светлые кудряшки. – Ты как одуванчик, – он легко подул на волосы и погладил по ледяной щеке. – Что случилось? Ты же спокойно поехала...

– Я была в с-сост-т-тоянии аффекта, – пролязгала зубами я. – Надо было думать, когда женщину с неустойчивой психикой на мотоцикл сажал.

– А кто сказал, что у меня у самого психика устойчивая? – искренне удивился Дэн. – Я, может, вообще всего на свете боюсь. Вон ночью домой возвращаюсь, так от страха орать приходится. Хочешь, покажу как? А-а-а-а-а!

Я судорожно зажала рыжему рот, пока прохожие не начали шарахаться:

– Всё-всё, я поняла!

– Ну вот и успокоилась, – хитро подмигнул он. – Я, правда, знаю способ отвлечь женщину получше, но ты на него, наверное, пока что не согласишься.

– Пока что? – я звонко захлопнула забрало его шлема.

– Пока что, – нагло подтвердил он, снова открывая лисью физиономию. – А до этого чудесного мгновения можем и пешком погулять.

– И бросить здесь транспорт без присмотра?

– А кто сказал, что он мой?

– Ты и мотоцикл угнал?

Дэн склонился к моему уху и заговорщицки прошептал:

– Не задавай вопросы, на которые не готова узнать ответы.

– Ты сумасшедший, – поняла я и сразу же стряхнула его вторую руку, уже опустившуюся мне на талию. – Двинутый на всю голову.

– А я это отрицал? – удивился Дэн, выправляя из шлема длинный рыжий хвост.

– Нормальному человеку стоило бы...

Лис поднял палец:

– Во-о-о-от! Нормальному. Сама сказала. Тогда ко мне никаких претензий!

Я тяжело вздохнула. И правда, какие претензии? Вчера в тот странный дом я отправилась добровольно. Разгром в офисе тоже моя вина... Блин! Разгром в офисе! Я же уволилась! Я схватилась за голову: никто ведь не подговаривал, не вынуждал. Сама дура. И мотоцикл вместе с психопатом я тоже оседлала сама.

– Мне нужно домой, – в родной квартирке всё встанет на свои места, я почти уверена. Горячая ванна, чашка чая, любимый сериал. И выспаться. Совершенно точно нужно выспаться!

– Я провожу, – с готовностью отозвался Дэн, нахлобучивая шлем на руль мотоцикла и легкомысленно оставляя в замке зажигания ключи.

Словно солнце в конце длинного тёмного коридора, он освещал улицу своими рыжими лохмами и лучезарной улыбкой. Высокий, расслабленный, притопывающий на месте, как нетерпеливый кузнечик, в невыносимо узких джинсах, обтягивающих филейную часть... Я как можно быстрее увела взгляд из запретной зоны.

Я не знала его.

Но кто-то внутри, кто-то незнакомый, сильный, не допускающий сомнений, ему доверял.

– Нет. Я тебя не знаю, – нехотя выдавила я.

– Ну тогда мне и правда придётся играть роль преследователя, потому что отпускать девушку одну в таком состоянии нельзя. Буду красться следом, прячась за деревьями и ныряя в тень переулков, – он зловеще навис надо мной и многозначительно пошевелил пальцами в воздухе. – Так что для нас обоих будет спокойнее, если ты согласишься, что это свидание, – заключил он.

– Чего-о-о? – опешила я. – Это не свидание!

– А что же ещё? От преступников спас? Спас. В одной постели ночевали? Ночевали. С работы забрал? Тоже галочка!

– А как же ужин и кино? – уцепилась я за последнюю надежду.

– В перспективе.

– Ты ведь всё равно не отстанешь?

– Никаких шансов!

Вдох-выдох. С психами лучше не спорить.

– Только до подъезда! В квартиру я тебя не впущу, – тут я настроилась серьёзно.

– Это только пока что, – обезоруживающе улыбнулся Дэн.

Он шагал чуть позади, постоянно отвлекаясь то на чрезмерно, по его словам, живописное облако, то на «такой уродливый подъезд, что грех пропустить», но неизменно нагонял.

Мелкий противный дождь, заляпавший мне очки и заставивший кудряшки печальными патлами налипнуть на куртку, рыжего, кажется, только раззадорил. Он скакал, как подросток, подставляя каплям щёки, не следя за дорогой и не обращая внимание на встречных пешеходов, с трудом выворачивающихся, чтобы не столкнуться с оболтусом.

– А это чего у нас? Розы? Фу, как банально! – фыркнул он у цветочной лавки, выхватывая из самого дорогого и претенциозного букета жёлтый солнечный ирис.

– Чего букэт портишь, э? А платить кто будет?! – полетел вслед недовольный возглас, но рыжий уже вприпрыжку догонял подругу.

– Красота – бесценна, – сообщил он, закладывая цветок мне за ухо.

Я выпутала подарок из волос и недоумённо уставилась на него. Нет, конечно же, мне дарили цветы раньше. Папа приносил букет на выпускной и ещё на восьмое марта мальчишки в универе иногда дарили нам подвядшие гвоздики, что по дешёвке продавались после двадцать третьего.

– Зачем это?

Дэн точно налетел на невидимую стену от удивления и даже с чуть меньшим воодушевлением принялся рассматривать лужу, похожую на огромное зеркало.

– Странная ты, – заключил он, перепрыгивая водную гладь. – А зачем девушкам цветы дарят?

– Ну тебя...

Ещё и меня дурой выставил. Сам вон скачет, как саранча на энергетиках, а делает вид, что всё нормально.

– Ну меня, – безропотно согласился Дэн. – Кстати, насчёт меня: в гости пригласишь?

Сбоку как раз появилась знакомая серая восьмизэтажка. Пригласить в гости этого ненормального? Вот ещё!

– Как-нибудь в другой раз.

Я тактично оттеснила провожатого и приготовилась юркнуть в подъезд. И я бы сделала это. Сама. Если бы кто-то из недр здания не схватил меня и не вдёрнул внутрь насильственным образом. Я покачнулась и плашмя рухнула в темноту.

Темнота толкалась, шумно дышала и переругивалась:

– Да держи осторожнее! Куда ты лезешь!

– Блин, это моя рука!

– А ты не мешайся!

– Она меня укусила!

– Сейчас я тебя покусаяю!

Слишком поздно сообразив, что у темноты недвусмысленные и совершенно недружелюбные намерения, я, наконец, завизжала.

– Не брыкайся ты! – шикнул кто-то низким голосом. – Мы ничего плохого не сделаем! Ай!

Я ударила кого-то по колену и ломанулась к выходу. Успела мазнуть ногтями по запертой железной двери, но меня схватили поперёк спины и потащили обратно, набрасывая вонючую тряпку на нос.

– Помогит-е-е-е-е-е! – заорала я, стараясь не вдыхать, максимально мешая похитителям и безадресно брыкаясь.

– Боевая деваха! – гыгыкнули из темноты с другой стороны. – Кир, дай я.

Крепкие, почти медвежьи, объятия сомкнулись поверх плеч, а названный Киrom поплотнее прижал тряпку к моему лицу.

– Да как вы... Да я вас, – бормотала я, оседая. Нет-нет-нет! Я не могу отключиться так быстро! Хлороформ действует не так! – Дэн. Галвин...

Едва слышный шёпот... Последняя яркая солнечная вспышка... И словно костёр вспыхнул в голове! Звук незнакомого имени ударился о стену забвения, выбивая один-единственный кирпичик. Но этого оказалось достаточно.

В подъезде на мгновение стало светло, как в полуденном поле. Лицо лохматого светловолосого парня, стоящего передо мной, перекопилось от ненависти, понимания и... ужаса? Но лишь на одно мгновение. В следующее его подняла в воздух невидимая сила и швырнула на лестницу. Мокрый хруст прозвучал щелчком в густой, пьянящей тишине.

Тот, кто держал меня, отброшенной тем же колдовством, налетел на железную дверь. И это был хороший, шумный удар, потому что вторым нападавшим оказался огромный, действительно огромный косматый мужик в совершенной идиотской жёлтой панамке.

– Мамочки! – завопил он, заглушая звук покорёженного металла.

– Соня! – дверь не слетела с петель окончательно, но достаточно покосилась, чтобы тощий Дэн смог влезть внутрь. Получается, не ушёл? Стоял там всё это время? Неужели что-то знал или... чувствовал? – Сонька, живая?

Я застонала. Вместо меня ответил лохматый нападающий. Светлые волосы запачкались в крови, закрывали обзор, но сориентировался он мгновенно.

– Проваливай отсюда! – прорычал он, касаясь виска двумя пальцами и делая в сторону непрошеного героя движение, которым впору выпалывать сорняки. – Ты её не получишь!

Дэн сгорбился, хватаясь за грудь и хрипло дыша:

– Серьёзно? Думаешь, наша история закончится вот так?

Лохматый замешкался, к тому же кровь заливала лицо; он покачнулся, зажмурился и схватился за затылок. Дэн только того и ждал: оттолкнувшись от бесполезного «медведя»,

повисшего на остатках дверей, он длинным прыжком пересёк подъезд, подскочил к похитителю:

– На этот раз вам её не убить! – и, растеряв всю благожелательность, схватил покалеченного двумя руками за голову и изо всех сил приложил о ступеньку.

Я шмыгнула носом, пытаюсь расплакаться, осознавая, что не смогу не только объяснить полиции, что здесь произошло, но и вообще встать. Усталость навалилась огромным пыльным мешком, прижимая к полу, глаза, абсолютно сухие, всё смотрели на стекающую по лестнице тёмную жижу, медленную, тягучую. Я не хотела смотреть, не собиралась... Но не могла отвести взгляда: замороженного, восхищённого.

– Соня? – Дэн наклонился ко мне и отгородил от страшной картины. – Живая? Всё хорошо?

Я безмолвно открывала рот, пытаюсь вытолкнуть из него что-то вразумительное: всё плохо. Всё очень-очень плохо! Всё так плохо, что хуже уже просто некуда!

– Надо вызвать полицию...

Дэн осторожно подхватил меня на руки:

– Не надо. Через полчаса здесь не останется и следа драки. В какой квартире ты живёшь?

Я какой квартире... Номер. Точно, у моей квартиры был номер. Только я его не помнила и бездумно махнула наверх, благополучно забыв о наличии лифта.

– Где-то там...

Рыжий брезгливо переступил лежащего на ступенях.

– Эта? – угадал он с восьмой попытки.

Я кивнула и дрожащими руками повернула ключ. Дэн остался на пороге. Приглашать его – плохая идея.

– Войдёшь? – робко спросила я.

– А ты этого правда хочешь? – он коснулся моих влажных волос.

Хочу, очень сильно. Куда сильнее, чем следовало бы. Но ещё больше мне нужно убедить себя, что всё произошедшее – кошмар, страшный сон, который выветрится из памяти к завтрашнему утру.

Я всхлипнула и замотала головой, захлопывая дверь.

Валерианка премерзким вкусом напомнила, что происходящее более чем реально. Я громко стукнула рюмкой о столешницу, задёрнула занавески и не раздеваясь, в пронизанной осенью и сыростью одежде рухнула на кровать.

А потом снова снился сон. Неприятный, с рваными краями, царапающими память.

Кошмар или воспоминание? Реальность или всполох фантазии?

Боль точно настоящая. Она стискивала в ядовитых оковах ступни, разъедала, плавил кожу. Пламя повсюду: оно обнимало за плечи, заглядывало в глаза, ласкало волосы, за единое мгновение превращая смоляные пряди в рыжие всполохи. Огонь давил, рвал, терзал; разрывал на части и спекал в крохотного напуганного зверя; он хлестал обгоревшую плоть и взрывался ненавистью изнутри, из самой души, из единственного, что им не удастся уничтожить.

– Ведьма должна заплатить за свои преступления!

– Ведьма выбрала свою участь!

Они славили её смерть. Кричали и восторгались: убили, сожгли монстра.

Но она найдёт способ вернуться.

Сколько я промучилась в бреду? Прошёл час или целый день? Минута или вечность? Кусочек улицы между штор то светлел, то темнел, шум машин то усиливался, то рассеивался, сходя на нет.

Видение медленно уходило, растворяясь в прошлом. Я лежала, раскинув руки и всматриваясь в пятно на потолке.

Как только я сбежала из-под опеки родителей и въехала в эту квартиру, соседи сверху залили и без того не самую богатую обстановку. Это случилось шесть лет назад, и я сидела посреди огромной лужи, в которую превратилось моё первое самостоятельное жилище, и рыдала, не понимая, что делать. Я помню это так, словно это случилось вчера.

А ещё так, словно это был сон, причём, не мой, а сон кого-то очень малознакомого и совершенно меня не заботящего.

Страх не осталось. А вот усталости – хоть отбавляй. Как будто два зверя, устроив в тесной клетке драку, так и не сумели выявить победителя и разошлись по углам, делая вид, что друг друга не существует.

Я стянула ни на что не похожие джинсы, бросила где-то по дороге к ванной толстовку и бельё. Вода в душе, до того горячая, что могла серьёзно обжечь, стекала по коже. Почему всё ещё так холодно? Совсем как в могиле... Тепла, нужно больше тепла!

От кипятка запотело зеркало, дверь пришлось распахнуть, и пар заполнил комнату, а кожа всё ещё не покраснела. Я зло швырнула душевую лейку под ноги, завернулась в полотенце и поставила чайник.

У входа отчётливо чихнули.

– Кто там? – вооружившись сковородкой, как обделённая вниманием супруга, я прокрадлась в прихожую. Неужели снова та жуткая парочка? – Я уже позвонила... позвонила... – проклятье, почему забываются совсем простые вещи, точно жёсткий диск переполнился? – Позвонила, куда следует! – чуть менее уверенно пригрозила я.

– Пиццу заказала? – раздалось снаружи.

– Дэн?!

Цепочку я откинула не сразу: сначала проверила, что он точно один.

На пороге, перечеркнув дверной проём ногой и зябко засунув ладони в рукава косяки, сидел Дэн.

– Я бы от горяченького не отказался. Если ты понимаешь, о чём я, – лязгнул зубами он.

– Видок у тебя не для флирта, – стукнула я по дну сковородки. – Как давно ты тут сидишь?

Защитничек продемонстрировал разряженный мобильник и пожал плечами:

– Какое-то время.

Я обернулась: за окном в ошмётках туч отчётливо мерцали редкие бледные звёзды. Я вернулась домой чуть позже полудня.

– Ты просидел тут весь день?!

– Не исключаю такой возможности. А вдруг бы те придурки вернулись?

– А они не?.. – я боязливо выглянула на лестничную клетку, на всякий случай, не расставаясь с метательно-убивательным снарядом.

– Убрали за собой и свалили, – сплюнул Дэн. – Так что, можно твоему герою войти?

Я демонстративно качнула сковородкой:

– Только попробуй что-нибудь выкинуть! – и посторонилась.

– А полотенце выдашь? А то тут, я смотрю, дресс-код, – ехидно цапнул он край моего наряда.

Я взвизгнула и кинулась одеваться, мгновенно пересмотрев приоритеты.

Нет, я не была неряхой. Просто очень много работала. И, разумеется, в моём шкафу не водилось специальных «условно-домашних» нарядов для встречи кавалеров. Сиротливо висящее в дальнем углу шёлковое чёрное платье-сорочка на эту роль явно не подходило. Что уж там, оно не подходило вообще ни на одну роль в моей жизни, но подарок от мамы проще принять, чем объяснить, почему он бесполезен. Свитера, джинсы, джинсы, футболки, коротенькие

летние шорты и ещё целая стопка футболок. Сделав выбор между штанами с начёсом и шортиками в пользу последних, я, пыша смущением и надуманной сексуальностью, приготовилась предстать перед малознакомым, но привлекательным мужчиной.

«Собираешься надеть это?» – раздался смешок внутри черепа.

Я отскочила от шкафа, захлопывая створки. Из зеркала на меня смотрела незнакомка. Худая, с тонкими губами, надменно вздёрнутым подбородком, с чёрными волосами, покрытыми хлопьями пепла, и абсолютно обнажённая.

Я зажала рот рукой, чтобы не завизжать, и медленно, на ощупь, попыталась присесть на кровать. Промахнулась – шлёпнулась на пол и сильно ушиблась копчиком.

Видимо, падение вернуло на место съехавшие мозги: незнакомка исчезла. Вместо чёрных прядей, похожих на стекающую по плечам смолу, зеркало снова отражало светлые кудряшки. Я осторожно, не отводя взгляда, подошла и прикоснулась к стеклу. Стукнула два раза, с содроганием ожидая, что кто-нибудь стукнет в ответ.

Никого. Просто показалось.

«А нормальной одежды у тебя нет?» – стоило решить, что сумасшествие отступило, голос вернулся.

Я снова бросилась к стеклу, но оно упрямо отражало лишь меня. Хотя могу поклясться, что глаза налились чернотой на секунду. Потемнели – и вновь посмотрели привычным невинным взглядом. Серые, чуть более круглые, чем у нормальных людей, всегда кажущиеся слишком наивными. Мои глаза. Я оттянула веко, выискивая за ним непонятно что.

– Нормальная у меня одежда, – буркнула шкафу, отворачиваясь.

«Моя бабушка выглядела эффектной».

– Да что же это такое?!

Я отвернулась, выдохнула, успокаиваясь. Нервы. Нервный срыв – это норма. Случается со всеми. Давно стоило сходить в отпуск или хоть полноценный выходной взять. Помотала головой...

«Помогло?» – едко поинтересовался нервный срыв.

– Заткнись!

«С чего бы? Мы же только познакомились!».

– Замолчи-замолчи-замолчи! Ты мне мерещишься! Это всё глюки!

«О да, малышка, утешай себя этим».

– Как заставить тебя замолчать?!

В отчаянии, я принялась биться лбом об стену. Сначала один лёгкий удар на пробу, потом сильнее, и ещё разок...

«Эй! Эй, прекрати сейчас же!» – заволновался внутренний голос. – *«Это теперь наша голова! Не бережёшь её для себя, так побереги для меня».*

Я едва не плакала:

– Замолчи, прошу тебя, замолчи! Тебя не существует, ты ненастоящая!

«Уймись! Молчу всё, молчу! Я тебе показалась. Да успокойся уже!».

Я замерла на полдороге лба к стене:

– Всё?

Ответа не последовало. Всё. А теперь чай.

«Кофе, – потребовал голос. – *И смени эту дурацкую тряпку на ту, с открытой спиной».*

Я предпочла послушаться: стена оказалась твёрдой.

Дэн хозяйничал на кухне как у себя дома:

– Что так долго? – вынырнул он из холодильника, дожёвывая кусок колбасы.

– Никак не могла договориться с внутренним голосом, – поморщилась я, ощупывая шишку на лбу.

– Милая майка. У тебя красивые лопатки: как будто маленькие крылья, – Дэн походя мазнул ладонью по обнажённой спине и нырнул к плите, под защиту столика, занимавшего добрую половину кухни. – Омлет будешь? С... э-э-э... без колбасы.

Есть хотелось ужасно. Словно голодала несколько месяцев.

– Там ещё пельмени в морозильнике. Доставай.

– Хозя-я-я-яюшка! – саркастично протянул гость.

Ужинали в тишине. Слишком много вопросов, слишком мало среди них адекватных. Дэн всё всматривался в меня, пытаюсь разглядеть что-то невидимое, но помалкивал.

Так, стоп! Я, может, так и не стала полноценным журналистом, но в странную историю попадала не впервые. Нужно начать с очевидного. И с самого начала.

Я до середины наполнила кружку чаем, поморщилась, выплеснула напиток в раковину и достала непочатую пачку зернового кофе. Щёлкнули ножницы, запах наполнил кухню, мгновенно успокаивая многострадальные нервы.

– Кто ты такой?

Парень подставил кружку, не забыв приобнять меня за бедро. Нет, это уже слишком! Вспылив, я обрызгала его кипятком и, выставив чайник между нами в качестве нерушимого барьера, принялась неспешно молоть кофе в доисторической кофемолке с белочкой.

– Я Дэн, – он обиженно сунул руку под кран и включил холодную воду.

– А я – доверчивая дура, приятно познакомиться.

– Приятно, – попытался отшутиться он, но я предупредительно потянулась к чайнику, и Дэн отступил, сдаваясь.

– Кто ты такой?

Рыжий замаялся, принялся тянуть время, медленно обходя столик и усаживаясь на шатающуюся табуретку.

– Что тебя интересует? Фамилия? Профессия? Образ жизни? Статус в соцсети?

– Самое важное, – подумав, ответила я.

– Я колдун. А ты не дурочка, как я понимаю.

Ну, в принципе, это далеко не самое страшное, что случилось за последние сутки. Колдун у нас что, не человек, что ли?

– Но ты человек? – на всякий случай уточнила я.

– Более чем.

– Что тебе нужно от меня?

– Мне?! – Дэн рассмеялся, но быстро успокоился и вознаградил себя последней конфетой из вазы. Я выжидательно молчала. – Я не хочу тебя обидеть! – наконец чавкнул леденцом рыжий. – Честное слово! Всё произошедшее – случайность чистой воды.

– Точнее, пожалуйста, – одна, вторая, третья... Я положила в турку шесть ложек кофе, подумав, добавила седьмую: всё-таки на двоих.

– Ты красотка, – незванный гость оперся на стену и закинул ноги на стол.

– Ботинки, – указала я взглядом на грязную обувь.

– Ага, крутые, правда? – нежно стряхнул он пылинку с толстой подошвы.

– Со стола.

– А?

«Да дай ты ему уже по розге сковородкой!» – не выдержала незнакомка внутри головы. И здесь я была с ней солидарна.

– А что я сделал-то?! – Дэн обиженно потёр пострадавший затылок.

Я перекинула рукоять из одной ладони в другую, как будто полжизни провела на уроках боевого фехтования:

– Говори, – строго велела я.

– Вот же приставучая! Чтоб я ещё раз попытался познакомиться с девушкой на улице... Что смотришь? Да, пытался познакомиться. Понравилась ты мне, ненормальная! Кто ж знал, что ты полезешь в этот гадюжник! От магов ничего хорошего ждать не приходится. Ну я и пошёл следом. Наверняка ж ты бы не удержалась, сунула нос. Так что да, я тебя спас, когда ты помешала ритуалу. Не за что! – Дэн под угрозой расправы подскочил с места и, перебегая в противоположную часть кухни, галантно поклонился.

Что-то не сходилось. Рыжий и правда выглядел рыцарем на белом коне, но что-то не сходилось. Я отложила оружие гостеубийства, демонстрируя мирные намерения, и поторопилась уменьшить огонь под собравшимся выкипеть кофе.

– Почему ты не оставил меня потом?

– Если я сделаю тебе комплимент, опять полезешь драться?

– Если попытаешься с его помощью уйти от ответа, вполне возможно.

– Я волновался. За тобой могли следить, попытаться поймать. Неизвестно, чем бы это кончилось. Правда! – проследил он за моей дёрнувшейся к сковородке рукой.

– Так ты, значит, мой герой?

Дэн в задумчивости вытянул губы трубочкой.

– Получается так, – согласился он. – А героев полагается благодарить.

Клоун. Лгун и насмешник. Да, мне не к чему прицепиться! Кроме одного: красавчик, способный одной улыбкой заставить обомлеть любую девушку, просто не мог без повода клеиться к такой мышке, как я! Он где-то соврал. Понять бы только, где именно...

«Галвин тот ещё лис», – согласился внутренний голос.

– Кто такой Галвин? – сощурилась я.

Дэн вздрогнул. Вот он – правильный вопрос.

– Кто-кто? – якобы не услышал он.

Я отдельно громко повторила:

– Кто такой Галвин?

«Сожми его запястье».

– Что сделать? – не поняла я.

«Сожми его запястье. Он не соврёт».

А что я теряю? Послушалась: метнулась вперёд, сжимая руку героя-лжеца, – и Дэн задохнулся от восторга. Нервно рассмеялся, накрыл своей ладонью мою, всмотрелся в лицо с такой искренней нежностью, что я почти поверила: он и правда хочет помочь. И, может быть, очень маловероятно, но возможно, я и правда ему немного нравлюсь.

– Галвин – моё имя, – он осторожно погладил мои побелевшие от напряжения пальцы. – Было им когда-то очень давно. Те ребята, что напали на тебя, они... тюремщики, наверное. Охранники, стража – называй как хочешь. Кое-кто из них родился в далёком, но, поверь мне, чудесном мире. В мире, который был и моим домом. Но, к сожалению, мы не всегда можем провести жизнь в месте, которое любим. Поэтому теперь я здесь. Взял новое имя и неплохо устроился, надо признать. Ваш мир приятный, но магия в нём невероятно, раздражающе слабая. На одно заклинание уходит почти весь резерв. Приходится обходиться артефактами, а их не так просто найти.

В изумлении я разжала пальцы. Рыжий отпустил нехотя, но удерживать не стал.

– Магия. Конечно, магия. Это всё объясняет.

Я судорожно вспоминала, куда сунула мобильник. Успею вызвать скорую? Или лучше службу спасения? Или просто вытолкнуть психа в подъезд? Он ведь не обидел меня до сих пор.

Не успею. Потому что телефон разлетелся при ударе о темечко одного из преступников. Одного из тех, от кого меня спас Дэн.

Рыжий хмыкнул и подтолкнул опустевшую вазу для конфет.

– Хочу, чтобы ты надела её на голову.

– Ты сбрендил? – резонно поинтересовалась я, отправляя посудину в обратный путь. Он наклонился вперёд и куда более проникновенно повторил:

– Всего лишь привожу доказательства. Я на самом деле очень хочу, чтобы ты надела эту чудесную шляпу. И ты тоже этого хочешь.

Как в бреду, я потянулась к переливающемуся хрусталу. И правда, головной убор прекрасен и невероятно мне пойдёт! Нахлобучила на макушку...

– Какого хрена?!

Недоделанный Кашпировский самодовольно отсалютовал мне моей же чашкой кофе. Оваций не последовало.

– Дар убеждения, – как само собой разумеющееся сёрбнул он напитком.

Я медленно сняла, повертела вазу и с огромным трудом поборола желание запустить в стену.

– Почему они пришли за мной?

– Потому что ты помешала ритуалу.

– Не замолкай. Я хочу знать всё.

– Ты стала сосудом для одной очень сильной ведьмы.

– Они придут снова? Чтобы поймать меня... нас?

Дэн попытался обнять меня, но я отгородилась посудиной, не подпуская. Требовательно повторила:

– Придут?

– Придут. За... вами обеими.

«Кажется, нам придётся поладить, подруга. Ты ведь хочешь выжить?»

Я всё-таки запустила вазу в стену.

Глава 4

Я тебя ненавижу!

Не выгонять же придурка из дома?!

– Ты ляжешь на диване.

Но Дэн ломился в спальню:

– Почему это на диване? Даже котиков в кровать пускают, а я куда лучше котика!

– Не лучше. Никто не лучше котиков, кроме толстых котиков, – я вручила нахалу стопку постельного белья в аляповатые цветочки и попыталась захлопнуть дверь. Подпереть бы ещё чем от греха подальше...

В последний момент рыжий просунул стопу в щель и хитро протянул:

– Ты что же это, думаешь, я к тебе начну приставать?

А вот это обидно. Вообще-то, именно так я и думала, но что уж там... Не моего полёта птичка.

– *«Думаю, что, если ты не уберёшься из моей комнаты, ночевать будешь на пороге, как и собирался»*, – ляпнула моими губами ведьма.

– Спасибо, – не удержавшись, шепнула я ей.

Парень надулся, но пререкаться перестал, оставил меня одну.

Одну ли?

Тишина заполняла уши, непроглядной темнотой застилала мысли. Они не отстанут от меня. От нас.

– Ты здесь?

Ведьма презрительно хмыкнула:

«Ты серьёзно интересуешься? Нет, ушла на прогулку».

– Не смешно. Разговоры с самим собой – первый признак шизофрении.

«Надеешься, всё так просто?»

– Надеюсь от тебя избавиться.

Внутренний голос замолчал. Я чувствовала, что она думает, что сомневается и просчитывает возможные исходы. Что она внутри, в голове, что в любой момент может занять тело целиком и запереть меня, его хозяйку, в самом дальнем уголке сознания.

«Ты боишься меня, – спокойно отметила она. Я хотела возразить, но разве можно соврать тому, кто видит тебя изнутри? Она заговорила снова, уверенно: – Боишься, я знаю. Не волнуйся, малышка. Я не причиню тебе вреда. По крайней мере, если ты не попытаешься воевать со мной».

Я приблизилась к зеркалу, стараясь смотреть сквозь отражение дрожащей блондинки. Если расфокусироваться, если не смотреть, а *видеть*... Получилось! Ведьма стояла, выпрямившись, гордо расправив плечи, откинув текущие волосы с обнажённой груди. И она была... напугана так же, как и я.

Я коснулась зеркала со своей стороны – женщина за стеклом сделала то же самое.

– Что они сотворили с нами?

Ведьма сильнее поджала и без того тонкие губы:

«Для начала, они убили меня», – пепел осыпался, пощекотав её спину. Я поёжилась, словно серые хлопья скользнули по моей коже, словно это меня привязали к отшлифованному столбу, словно к моим ногам кидали вязанки хвороста...

– Она сожгли тебя? – она не ответила, лишь криво болезненно ухмыльнулась. – За что?

«А в вашем мире для этого нужен повод?»

– Да, – попыталась обмануть я.

«Нет, – прочитала она в моём мозгу прежде, чем прозвучал ответ. – У них имелись причины ненавидеть. А я с самого начала знала, чем рискую».

Я стукнула ногтями по ледяному стеклу – пальцы казнённой женщины отразили движение.

– Тогда как ты оказалась здесь? В нашем мире, в моём теле?

Сожжённая отвернулась, не желая встречаться взглядами. Я повторила, уже не осознавая, кто из нас настоящая, а кто лишь тень.

«Знаешь, что самое страшное для ведьмы? Думаешь, костёр? Огонь, пытки? Нет, девочка, самое страшное – тюрьма. И наша тюрьма куда хуже человеческой. Дух ведьмы не сжечь. Сила всегда найдёт нового владельца, распухнет весенним цветком на пепелище. Но Силу можно поймать и посадить в клетку – заключить в чужое тело. И тогда тебе вечно предстоит смотреть на мир чужими глазами. На чужой мир, землю, почти лишённую магии, истощённую, скудную, скучную. Смотреть, ненавидеть её каждой крошкой души, мечтать вырваться и расправить крылья... Но ты не сможешь. Не сможешь подать голос, произнести самое простенькое заклятье, сделать по своей воле хоть что-то. Безмолвный, слабый наблюдатель – вот моя судьба. Вот во что они хотели превратить меня».

Мёртвая прижалась к зеркалу, резко подаваясь вперёд, заставляя меня сделать то же самое, вынуждая вглядываться в чёрные глаза с пылающим в них жестоким огнём:

– Но... Но ты же говоришь, – пролепетала я, силясь отступить, отвернуться. Бесполезно.

Она растянула губы:

«Я удивлена не меньше, поверь. И именно поэтому ты нравишься мне, малышка. Ты слаба. Тебя ни за что не выбрали бы на роль тюрьмы, потому что ведьма может оказаться сильнее. Ты нравишься мне, потому что в тебе я могу начать новую жизнь. А теперь спи. Не хочу, чтобы моё новое лицо выглядело уставшим».

Ужас перехватил горло, сжал ледяными когтистыми лапами, не давая сделать вдох, чернота напозала со всех сторон, оплетая, окутывая липким бессилием. Я сползла на пол, так и не сумев оторвать взгляда от женщины, поработившей моё тело, и отключилась.

– Соня! Соня! Живая ты там или как?

Не знаю, как долго Дэн требовательно колотил в дверь, но, когда я проснулась, он уже протискивался в проход, перегороженный с вечера комодом.

– М-м-м, – протянула я, не понимая, стоит ли отвечать утвердительно.

– Ты что, на полу спала?

Я поскорее отползла от зеркала, благодарно оперлась на подставленный локоть.

– Очень устала.

– Это не «очень», это прямо «о-о-о-очень». Тяжёлый вчера выдался денёк, но ничего. Сегодня будет легче. Пошли куда-нибудь позавтракаем? Я угощаю.

– Продашь угнанный мотоцикл?

– Почему же, – неподдельно обиделся кавалер. – Это всего лишь хобби. Может, у меня есть работа.

– Есть? – уточнила я.

– Я же сказал «может»...

– Как ты выживаешь вообще? – не выдержав, я рассмеялась. Умеет же, поганец, отвлечь от забот.

– Только между нами, ага? – рыжий склонился, намеренно касаясь губами моего уха, и страстно выдохнул: – Контрабанда.

– Чего-о-о?! – мало мне магических проблем, так теперь ещё и проблемы с законом?!

– Ну, считай, что ребята, с которыми тебе повезло не поладить, – это таможня. А я... Ну, фигурально выражаясь, я быстренько петляю между грузовиками правосудия на мопеде беззакония.

– Ты сейчас во-о-от на столечко, – я показала расстояние с игольное ушко, – от того, чтобы я выставила тебя на улицу и сделала вид, что мы не знакомы.

– И ты туда же? А как же дух приключений? Любопытство?

– Никогда не любила приключения.

– Врёшь. Все их любят.

– Я – не все.

– Это я уже понял, – Дэн потянулся до хруста костей и по-свойски сунул нос в шкаф. – Кажется, кому-то пора по магазинам. Ты что, каждый день в этом ходишь? Это же вообще мужская кофта! Нет, так точно не пойдёт. К вечеру добуду что-нибудь более сносное.

– Украдёшь?

Рыжий уселся на пол по-турецки и смерил меня испытующим взглядом:

– А если и так? Перестанешь меня уважать?

– Ты пока вообще уважения не заслужил. Я тебя едва знаю.

– Справедливо. Надень вот это.

Он перекинул похороненные в дальнем углу лосины, призванные издалека создавать впечатление кожи. Откуда они вообще взялись? Ах да, я заказала их на каком-то сайте, когда в очередной раз обещала себе начать бегать по утрам. А состав посмотреть не догадалась, ага. Так что теперь, как настоящая женщина-кошка, имела уйму невзрачной одежды и одни крикливо-эротичные штаны. Я ухватила в комплект как можно более огромную и бесформенную толстовку и скрылась в ванной.

Дэн попытался сунуться следом, но подглядывать поостерёгся и вернулся в прихожую:

– Я перевожу контрабандой артефакты, – донеслось сквозь шум воды. – Камни, книги. Не так страшно, как ты решила. У вас очень слабая магия, так что среди местных колдунов есть спрос на батарейки. И они готовы за них платить. Оу, а неплохо. Я бы сказал, совсем неплохо. Почему ты раньше прятала такие ножки? – присвистнул он, оценив результаты спешных сборов.

Я хлопнула Дэна по шаловливой ладони.

– Не думай, что я начала тебе доверять, – предупредила я.

– Но?... – лис сразу прочувствовал направление беседы.

– Но мне нужна помощь.

– А что я получу взамен?

Я как можно более беззаботно пыталась забрать непослушные кудряшки в подобие гульки на голове:

– Даже не спросишь, что мне нужно? – нет, я не возилась с причёской. Я внимательно всматривалась в собственное отражение, выискивая малейшие всполохи огня, отблеск черноты под веками. Ведьма рядом, я чувствовала это. Но слушает ли она прямо сейчас? Способна ли помешать?

– А какая разница, – Дэн подошёл сзади, подобрал выпавшие пряди, жарко дыша в шею. – Ты правда думаешь, что скажешь что-то, что заставит меня уйти?

– Надеялась на это, – решившись, я развернулась к нему, положила ладони на плечи, сжала, показывая, как важно его согласие: – У тебя есть магия. Ты не защищён. Отведи меня в тот дом. К тюремщикам. Они не отстанут, а убежать вечно я не согласна. Нужно поговорить с ними, но...

– Но ты боишься, что они убьют тебя?

Не только. Не столько.

– Да, – соврала я. Пусть лучше убьют. Всё лучше, чем участь казнённой ведьмы – остаться запертой в чужом... или собственном теле. Нужно избавиться от паразита, пока он не обосновался в новом жилище. Если они посадили ко мне гадину, сумеют её и вытравить. Обязаны это сделать или... Или мне придётся лишиться тела нас обеих.

– А ты споешь своему телохранителю слезливую песенку?

– Это твоя цена? – серьёзно нахмурилась я.

Дэн рассмеялся, заражая позитивом:

– О, да неужели ты всегда такая серьёзная? Конечно, я помогу. Просто потому что ты просишь. Это не сделка века, а обычная прогулка.

Знал бы он, насколько серьёзна эта прогулка для меня... Я натянута улыбнулась:

– Да, всего лишь прогулка.

– Но свидание ты всё равно должна, – он шлёпнул меня по попе, поторапливая в направлении выхода. Псевдокожаные штаны отозвались звуком натянутого барабана. – И сначала еда, а то от колдунов на пустой желудок у меня изжога.

Утром дом выглядел ещё более идиллически, чем вечером. В окружении ярко-оранжевых листьев, с очаровательными колоннами и качелями, с узенькой аккуратной тропинкой... Он не мог, не имел права быть пристанищем злых магов. Но был.

Я осторожно ступила на дорожку, точно подписывая приговор. Дэн шумно дожевал шаурму, которую полчаса назад гордо звал романтическим завтраком, отряхнул крошки и встал рядом.

– Не бойсь, я куда-то денусь, – подбодрил он. – Они ребята, конечно, сволочные, но на пустом месте драку не затеют.

– Они пытались меня похитить, – напомнила я. – А потом ты проломил голову одному.

– А, да, – «припомнил» Дэн. – Было дело. Но ничего, не первый день знакомы, сочтёмся.

– Не первый день? – дёрнула я его за рукав.

– Типа того. Идём, нет? – увернулся от вопроса приятель.

Не дождавшись кивка, он требовательно забарабанил в окно.

– Можно-нельзя? Не слышу! – завопил телохранитель. – Тогда мы заходим! Ну пошли, что ты? – нетерпеливо махнул он.

Я слотнула липкую слюну и поспешила на маячащий впереди рыжий хвост. И никаких ассоциаций с лисом, заманивающим гончую в непроглядную чашу.

Чужое тёмное сознание зашевелилось внутри, пробуждаясь. Нельзя дать ей победить. Это мой выбор и моё тело. Пока что. Я поскорее взбежала на ступеньки и первой переступила порог.

– Тук-тук? – неуверенный голос прорезал пустоту.

Вот сейчас ка-а-а-ак выскочит здоровенный волосатый мужик, что одной левой удерживал меня вчера. Или лохматый блондинчик, со своим приказным тоном велит связать нас с Дэном и сунуть в подвал. Точно что-нибудь случится, не может всё закончиться хорошо, так не бывает!

– Проходите! Коридор направо! – донёсся приглушённый крик из глубины дома.

– Пошли, чего стоять? – приосанился рыжий.

Это сердце так колотится или кто-то бухает по стенам? Кажется, сердце. Только почему-то у самого горла. Я судорожно вздохнула и оперлась о перегородку, чтобы не упасть. Обои в розовый цветочек на ней только добавили сюрреализма.

В конце коридора располагался кабинет. В кабинете – едва помещающийся внутри обшарпанный деревянный стол, на котором, в свою очередь, приплясывал низкорослый парнишка.

– Одну минуточку, – подпрыгнул он, не утруждаясь личным приветствием гостей. – Сейчас я вами займусь!

Парнишка вставал на цыпочки, махал руками, подбадривал себя негромкой руганью, но всё равно никак не мог достать до липкой ленты, как ёлка игрушками, увешанной трупами насекомых.

– Может, стул подставить, – робко предложила я.

– Да если бы! Задняя ножка, собака, у него шатается: навернись. Разве что вы подержите.

Воздух, заранее набранный в грудь, чтобы хватило поорать, так и остался неиспользованным. Я обошла стол, подняла шаткий стульчик и оперлась в него с неустойчивой стороны. Дэн тоже оперся – руками о столешницу – и любопытно задрал голову в ожидании конфуза. Однако конфуз, как и пушистый зверь песец, подкрался незаметно и с другой стороны.

– Вадим? – у входа стоял давешний лохматый блондинчик, выглядывающий невероятно уставшим и столь же ошарашенным. Он осторожно, чтобы не задеть запачканную кровью повязку, убрал мешающие пряди за уши и прищурился на представшую взору композицию. Композиция была прекрасна: Вадим балансировал на стуле на одной ноге, пытаясь отодрать намертво прицепившуюся к макушке липкую ленту; я, скорее, держалась за стул сама, чем удерживала от падения его; Дэн увлечённо ковырялся в оставленных без присмотра бумагах, причём из двух документов уже успел сложить самолётики.

Сообразив, что что-то не так, и его сейчас начнут ругать, коротышка перевёл взгляд вниз – на посетителей. Сменив поочерёдно красный цвет на зелёный и обратно, он изрёк:

– Гляди, Кир, кого я нам нашёл! А вы по городу бегали, головы ломали, – после чего с грохотом свалился на пол, подмяв под себя хохочущего Дэна.

– Приветствую, – сухо кивнул лохматый, позволяя светлым неровным прядям снова растрепаться.

– Здравсьте, – пискнула я.

Дэн, не пытаясь подняться и не торопя запутавшегося в собственных конечностях Вадима, протянул ладонь для рукопожатия:

– Привет, Кир. Давно не виделись.

– Со вчерашнего дня, – подтвердил тот, не двигаясь с места, не пожимая руку и уж тем более не пытаясь привести в вертикальное положение кучу-малу.

– Ну вот и познакомились поближе, – попыталась разрядить обстановку я, но так шумно лягнула зубами, что сходу выдала нервозность. – Я так понимаю, вы здесь за главного?

С пола провокационно заржали на два голоса, но Кир не удостоил клоунов вниманием:

– По крайней мере, я за умного. Вы хотели о чём-то поговорить? – он посторонился, предлагая пройти в более уединённое место.

Я в ужасе обернулась, ища поддержки у Дэна. Тот, наконец, сумевший встать сам и шумно помогающий собрату по несчастью, громко, но неубедительно отрезал:

– Она без меня никуда не пойдёт!

– Пойдёт, – спокойно возразил Кир. Выпячивать грудь или хоть как-то аргументировать мнение он побрезговал. Просто терпеливо ждал.

– Вот ещё! – точно встретились два хищника. Хитрый, вызывающий, подстрекающий взгляд Дэна и Кир: холодный, спокойный, словно пустой изнутри. Я внезапно поняла, что, по большому счёту, ему плевать. На меня и мои проблемы. На неудавшийся ритуал, на потерянную ведьму. Ему плевать на то, что происходит в этом странном доме, а в нём явно происходит что-то важное. И Киру всё равно, выживу я или нет. Он с лёгкостью выставит меня, если что-то его не устроит.

Они оба повернулись к виновнице стычки, ожидая решения. А решать хотелось меньше всего.

– Я пойду, – всё существо вопило, что мчаться надо в противоположном направлении, но существо это редко вопило что-то вразумительное.

Кир никак не выказал заинтересованность. Молча развернулся и двинулся по коридору.

Я быстро-быстро перебирала ногами, чтобы поспеть за его широким шагом. Мужчина не оборачивался, не задавал вопросов: знал, что, раз уж явилась добровольно, никуда не денусь, не сбегу. Нет выбора.

Комната, в которой главенствовал Вадим, напоминала кабинет раздолбая. Собственно, им она и являлась. Но ни огромный стол, ни кипы документов, ни внушительная, с полголовы размером, печать не могли ввести в заблуждение: он здесь прислужник.

А вот крохотная спальня Кира напоминала место, где проводит время начальник. Двинутый на работе, не тратящий время на такие мелочи как хобби или женщины. Диван сиротливо пристроился в дальнем углу, небрежно накрытый пледом. Возле него, прямо на полу, стояла покосившаяся кипа книг с множеством закладок. Какие-то были открыты, иные хранили меж страниц множество вложенных листов, исписанных кривым мелким почерком. Фолианты занимали добрую часть пола, ведь на столе теснились безделушки неизвестного происхождения: чашка недопитого чая соседствовала с огромным камнем, похожим на рубин; рядом темнели мутными боками пузатые колбочки; грудой валялись украшения разной степени дороговизны.

Мужчина без особой вины констатировал:

– Сесть негде.

Не дождавшись вопроса или хоть каких-то предпосылок к продолжению беседы, я тактично указала на диван:

– Можно туда.

– Нельзя.

– Да я просто...

– Зачем ты пришла? – Кир неловко тряхнул головой и тут же схватился за обвитый бинтами затылок. Отвернулся, делая вид, что изучает содержимое склянок.

Уставший. Нет, совсем-совсем не страшный, если подумать. Ну как может напугать лохматый мужчина в старой растянутой кофте? Встрёпанный, как подросток, который вместо сна прошлой ночью разучивал аккорды к новой песне. Я даже огляделась в поисках гитары: длинные тонкие пальцы Кира, сжимающие горло одного из бутылков, точно создавались, чтобы перебирать струны. Гитары не нашлось. А вот мужчина начинал раздражаться. Он старался не смотреть на меня, вообще не смотреть в лица тех, с кем говорил. И почему-то хотелось сказать ему за это спасибо.

– Налюбовалась? – он скрестил руки на груди и шумно выдохнул.

– Простите, я отвлеклась.

Я нервно затягивала узлы на завязках толстовки. Радужный хозяин нашёл бы стул или предложил чаю. Или хотя бы не привёл меня в крошечную комнату, заставляющую стоять совсем близко к этому источающему холод человеку. Ни отгородиться, ни спрятаться, ни отвлечься...

– Извините за голову, – выпалила я вместо серьёзной заготовленной речи. – Я испугалась, а Дэн пытался меня защитить... Он... Мы...

Кир рассеянно коснулся повязки и с удивлением обнаружил багряное пятно:

– Череп проломил. Герой, блин, – выплюнул он и, не глядя, опустошил один из множества сосудов. – С зельем заживёт через день-два.

– Простите, – ещё раз прошептала я. Всё не так! Нечестно! Я пришла обвинять их, требовать исправить то, что проклятые колдуны сотворили. Ведьма не лепетала бы. Она бы сразу получила то, чего хочет. – Нет, не простите!

– Что-что? – колдун приподнял бровь, впервые выражая подобие живых эмоций.

– Я сказала, что не стану извиняться!

– Не извиняйся, – легко согласился он.

– Вот и не буду! – вспыхнула я. Значит, так? Значит, вы тут все взрослые и умные, а я полезла не в своё дело? Да, полезла! И что с того?

Я пересекла комнату, демонстративно, хоть и с содроганием, проходя как можно ближе к мужчине, и уселась на диване, вызывая закинув ногу на ногу. Нелепо и неожиданно пахло корицей. Казалось, вот-вот в комнату заглянет заботливая бабушка с подносом пирожков. Но заботливая бабушка не появлялась. Кир стиснул зубы, аж скулы побелели, но не сказал ничего. Всего секунда ему понадобилась, чтобы вернуть самообладание. Лишь плечи выдавали настроение: укутанные колючей шерстяной кофтой и напряжённые настолько, что страшно прикоснуться. Впрочем, прикоснуться к этому куску льда хотелось меньше всего.

– Что вы со мной сделали? – я бы выглядела действительно грозно, если бы именно в этот момент резинка, сдерживающая в тугом пучке непослушные кудряшки, не лопнула. Волосы рассыпались, взвились пушинками одуванчика. Когда я выглянула из-под них, Кир снова стоял с невозмутимым видом, хотя я готова была поклясться, что он улыбнулся.

– Галвин... То есть, Денис рассказал, кто мы?

Произнести это вслух оказалось ещё сложнее, чем принять:

– Колдуны? – больше спросила, чем ответила.

– Он преувеличивает. Колдуном я звался когда-то очень давно. Уже нет.

Не смеётся, не шутит. Да и способен ли он шутить?

– Тогда кто?

– Таможенники. Охранники. Пропускной пункт. Называй как хочешь. Ты оказалась рядом, когда мы возились с очень опасной вещью. И влезла.

– Прос... Нет, не простите! Вы прекрасно понимаете, как выглядело происходящее! Я пыталась помочь.

– Помогла, ничего не скажешь, – саркастично бросил он. – Чувствуешь какие-то изменения?

– В моё тело подсадили некую ведьму, я знаю, – произнести это спокойно не получилось. Я поёжилась от пробравшего вдруг холода.

– Некую?! – он не выдержал, за долю секунды оказался рядом, сжал тонкими пальцами гитариста мой подбородок так сильно, словно готовился оторвать, и заставил приподняться с дивана. Пряный запах корицы усилился. – Ты хоть понимаешь, *кто*, оказался в твоём теле? В теле неподготовленной, слабой, недалёкой девицы? Знаешь, чем нам всем это грозит?!

Я попыталась вывернуться – он держал крепко. Я дёрнулась, ойкнула от боли, но Кир лишь наклонился, впериваясь в жертву серыми, холодными, пустыми глазами, готовыми выжрать душу.

– Ты понимаешь?! – переспросил он, нависая.

Я обещала себе быть сильной. Знала, что впереди очень неприятный разговор, готовилась к худшему, настраивалась, как могла. Но слёзы всё равно покатились по щекам.

И он сразу отпустил. Отошёл.

– Я догадываюсь, чем это грозит мне, – прошептала я, чтобы он не услышал, как сильно дрожит голос. – Вы сделали это со мной, – Кир хмыкнул, но я с нажимом повторила: – Вы! Значит, вы должны всё вернуть. Вытащите её.

– Мы собирались.

Кир медленно наклонился, поднимая стопку книг с пола, и одну за другой принялся перекладывать их на стол. Медленно, отвратительно ровно, уголок к уголку, складывая тома. Он мог бы показаться расслабленным, отвлечённым, равнодушным к проблемам глупой девчонки, влезшей не в своё дело. Он пытался показаться таким. Но плечи едва не прорезали ткань кофты, зубы скрипели не то от ненависти, не то от раздражения.

– Вы поэтому... – я не смогла выдавить конец фразы.

– Мы поэтому вчера пришли за тобой. О, прекрати тарашить круглые глазщи! Мы не пытались обидеть тебя! Усыпили бы, вытащили чужую Силу и вернули, где взяли. Как будто ты сама очень нам нужна!

Последнее расстроило больше всего. Конечно, я им не нужна. Кому вообще есть до меня дело? Никто не заинтересуется глупой смешной серой мышкой. То ли дело женщина из зеркала: сильная, уверенная в себе, умеющая стоять с гордо вскинутым подбородком, даже когда пламя лижет стопы. Вот она нужна всем.

Я решительно поднялась:

– Я готова. Не за чем запугивать до полусмерти, я сама счастлива избавиться от неё!

Мужчина сильно зло бросил оставшиеся книги, случайно развалив башенку из предыдущих:

– Думаешь, это так просто? Теперь?

– Но вчера же... Вы сами хотели... Что изменилось?

– Мы не сможем сделать это. Не станем.

Надежда, призрачная, зыбкая, текучая, убегала, оставляя в горле беспомощный зуд. Что-то чёрное, сильное довольно заурчало внутри, как сытый кот. Ведьма никуда не уходила. Не пряталась, не уснула, как я смела подумать. Она насмешливо наблюдала из первых рядов, не прерывая представление. С самого начала знала, что нас уже не разделить.

– Почему?! – я отчаянно бросилась к колдуну, вцепилась в колючую ткань, в напряжённые до боли плечи. – Я хочу избавиться от неё! Она сильнее! Я чувствую! Мне страшно! Пожалуйста, помогите мне! Пожалуйста!

Наверное, Кир никогда не умел утешать. Или просто забыл, как это делается. Или испугался. Или попросту был бессердечным козлом. Он оттолкнул меня, как полагалось бы кисейной барышне оттолкнуть пьяного матроса.

– Я разве разрешал вешаться мне на шею? – холодно поинтересовался он, застёгивая верхние пуговицы своей колючей брони.

– Я подумала...

– Разрешал? – настаивал Кир. Бинты не справились: кровь проложила две узкие дорожки по виску. Они столкнулись, пересеклись, но тут же разошлись в разные стороны, пока раненый не смазал их предплечьем.

– Н-нет.

– Нет, – удовлетворённо кивнул мужчина, пытаясь оттереть алое пятно с рукава. – Запомни это.

Тогда слёзы ушли. Засохли, как старая ссадина. Не стану унижаться перед этим гадом. Найду другой способ, других колдунов. Дэн поможет.

– Прошу прощения за беспокойство, – я подскочила, как ужаленная, и поскорее схватилась за дверную ручку, чтобы эта ходячая ледышка не стала свидетелем подкрадывающейся истерики. Но Кир оказался быстрее и заблокировал проём чуть выше. Я упрямо дёрнула, но мужчина, едва держащийся на ногах, оказался куда сильнее, чем выглядел: дверь не шелохнулась.

Он не умел утешать, но всё равно выдал со всей возможной мягкостью:

– Мне жаль, но уже ничего не изменить. Она проявила себя: вчера ты раскидала нас с помощью её магии. Теперь ведьма выросла в тебя, как сорняк. Если мы попытаемся разделить вас, ты вряд ли выживешь.

Он стоял слишком близко. Пах корицей и крепким чаем. Густым, терпким. Не обжигающим, напротив, давно остывшим. Таким, какой заваривают, чтобы просидеть всю ночь без сна, когда вместо сладостного забвения приходят одни лишь кошмары. Я не отступила, поэтому он первым сделал шаг назад: незачем впускать абы кого в личное пространство.

– Неужели ничего нельзя придумать?

Кир покачал головой.

– Вы не можете оставить всё так! – в отчаянии, я попыталась ударить его, но Кир с лёгкостью перехватил неумело занесённый кулак.

– Мы будем молиться, – не то издеваясь, не то серьёзно пообещал он. – Советую тебе делать то же самое.

Он выпустил меня, намекая на то, что разговор окончен.

– Нет! – в этом месте стоило бы прозвучать звонкой пощёчине, но я никогда не умела скандалить драматично. – Вы должны помочь. Вы виноваты! Это ваша проблема!

– Теперь это твоя проблема. Можешь утешиться тем, что, если ты её не решишь, плохо придётся всем, и мне лично тоже.

– А я думаю, что это вы так долго? А это Кирюха мою девочку запугивает, всё как обычно, – защитник, как и полагается, показался внезапно. Только что алую розу во врага не швырнул. Стоял ли он в коридоре всё это время или Дэну просто так вовремя надоело ждать? – Соня, не паникуй. Этот придурок любит раздуть трагедию на пустом месте.

Кир окинул Дэна тяжёлым задумчивым взглядом. Окажись на месте рыжего кто-то другой, он предпочёл бы ретироваться, но этот лишь насмешливо подмигнул:

– Голова не болит, нет? Ты всегда любил преувеличивать. Сонь, пошли домой.

– Я передумал, – не отводя взгляда от рыжего, Кир поймал и до боли стиснул мою запястье. – Предлагаю тебе остаться на наблюдение. Возможно, мы найдём выход.

– И думать забудь, – нахмурился Дэн.

Кир в ответ показал зубы в подобии улыбки. Получилось плохо:

– Случай редкий. Мало ли, как среагирует тело девушки. Стоило бы присмотреть за ней.

– Вот я этим и займусь, – Дэн цапнул вторую руку.

– У меня нет причин ему доверять, – Кир повернулся ко мне и провокационно уточнил: – А у тебя?

Я осторожно попыталась высвободить хотя бы одну кисть. Обе были зажаты, как тисками. Я запаниковала, пойманная в ловушку.

«Пока что только один из них тебе навредил», – подсказала ведьма и тем самым помогла принять решение. Разумеется, идущее вразрез с её мнением.

– Что конкретно вы предлагаете?

– Я предлагаю тебе работу.

Глава 5

Новые люди

– Чем вы все здесь занимаетесь?

– Ску-у-у-укой! – влез Дэн.

Вместо ответной колкости Кир, явно преодолевая отвращение, демонстративно погладил мою спину:

– Мы таможня междумирья. Пропускаем или не пропускаем людей, товары, артефакты. А также... следим за некоторыми вещами. Ничего особенного, рутина и уйма бумажной работы. Лина всё объяснит. Если к вечеру решишь остаться, найдёшь меня.

Таможня. Междумирье. В самом деле, что тут особенного? По-хорошему, стоило бы возмутиться глупому разводу и поинтересоваться, где спрятанная камера. Но... но разве я прощу себе, если хотя бы не попытаюсь поверить?

Едва дождавшись, пока соперник уберёт руки, рыжий по-хозяйски обнял меня за талию:

– Ну да, работа секретаршей – это её мечта с детства. Найдём чего получше, – фыркнул он, подталкивая к выходу.

Первая и вторая попытки освободиться из крепкой и навязчиво заботливой хватки успехом не увенчались.

– Денис! – пришлось вскрикнуть, когда рыжий уже практически волок меня прочь.

– Что?

Я перевела дух и как можно спокойнее произнесла, неосознанно копируя интонации Кира, который всё это время со скучающим видом подпирал стену:

– Я очень благодарна тебе за помощь. Правда, очень! Если бы не твоя поддержка, я бы не решилась сюда прийти, – рыжий ткнул пальцем себе в рёбра и удивлённо вытаращился, демонстрируя, что он тут точно не при чём. – Но у меня нет выбора...

– Есть, – ни к кому не обращаясь, заметил Кир.

– Эти люди могут мне помочь, – зашла с другой стороны я.

– Вряд ли, – скучающе протянул он.

В груди зарычалось разозлившееся нечто. Ведьма шалит или я сама не выношу, когда меня ловят с поличным?

– Ладно! – я развернулась, в упор глядя на холодного равнодушного блондинчика. – Ладно! Мне интересно, слышишь? Мне ин-те-рес-но!

– А вот это похоже на правду, – кивнул он, удовлетворённо отворачиваясь и бросая через плечо: – Идёшь?

– Ты что, правда идёшь? – возмутился Дэн.

– Сам же говорил, что все любят приключения.

Раньше мне ни за что не хватило бы смелости. Прежняя Соня, как только минула опасность для жизни, сбежала бы из проклятого старого дома, не стала бы испытывать судьбу и уж точно не осмелилась бы привстать на цыпочки, ухватить неожиданного кавалера за полы куртки и чмокнуть в щёку.

– Ты пытаешься таким образом меня убедить?

– Я пытаюсь таким образом тебя поблагодарить.

Рыжий обхватил меня за плечи, не давая так же быстро отстраниться, прижал, словно прощался с великой ценностью:

– Я вернусь вечером.

– Спасибо.

Вывернуться удалось с трудом. Да и хотелось ли? Так крепко, так нежно меня не обнимали уже очень давно. Кир, уставший ждать, недовольно кашлянул, и я поспешила отлипнуть от рыцаря в чёрной косухе.

С уходом соперника я вовсе перестала существовать для блондинчика. Он прошёлся по коридору первого этажа, заглядывая в пустые комнаты. Остановился только у кабинета Вадима, в отсутствие владельца выглядящего ещё менее располагающим к работе. Тяжело вздохнул, испытующе покосился на меня и всё-таки взобрался на стол, чтобы прилепить обратно на потолок липкую ленту: роста как раз хватило.

– Ваде ни слова! – потребовал он, спускаясь и торопливо покидая место преступления. Я ошалело кивнула. Как будто мне кто-то поверит, что местный шеф соизволил подшутить над подчинённым!

Лина обнаружилась на втором этаже. Собственно, там находился весь коллектив, состоящий из Вадима, которому ещё только предстояло по второму кругу за сегодня избавляться от раздражающего аксессуара в кабинете, огромного волосатого мужика в идиотской жёлтой панамке и эффектной брюнетки, на которую тут же захотелось вылить ведро зелёнки из зависти.

Посреди комнаты совершенно неестественным образом росло дерево. Ни его корней внизу, ни ветвей над крышей не обнаруживалось, но дерево росло, шелестело листьями и провокационно зеленело в середине осени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.